

С (Тат.)

Н 90

ЗАКИ НУРИ

И МЁРТВЫЕ
МСТИЛИ

16 коп.

Закл Нурч

И МЁРТВЫЕ
МСТИЛИ

ИЗ ПАРТИЗАНСКИХ БУДНЕЙ

С татарского перевел
М а з и т Р а ф и к о в

КАЗАНЬ
ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1976

Автор этой книги — известный татарский поэт Заки Нури в годы Великой Отечественной войны с оружием в руках участвовал в партизанском движении против немецко-фашистских захватчиков. В послевоенные годы работал по восстановлению народного хозяйства в Белоруссии, удостоен звания почетного гражданина города Орши.

Правдиво и увлекательно пишет он о боевых делах своих друзей по оружию. Самообладание и выдержка, боевая смекалка и находчивость, бесстрашие и самоотверженность в борьбе за честь и свободу советской Родины — вот главные черты героев его рассказов.

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Н $\frac{70803-176}{M132(03)-76}$ 130—76

© перевод на русский язык. Татарское книжное издательство, 1976

Нам не забыть тех лет.

На оккупированной советской земле бесчинствовали фашисты.

На наших дорогах грохотали их танки. В нашем высоком чистом небе ревели их бомбардировщики. Они несли нам смерть.

Горели наши города и села. Среди руин и пожарищ маршировали гитлеровские солдаты. Их тяжелые кованые сапоги, казалось, топтали наши души. На площадях, где прежде царило праздничное веселье, выросли ряды виселиц...

Весь советский народ поднялся на великую битву с врагом. Мы боролись за жизнь против смерти, за свет против тьмы, за идеалы коммунизма против фашистского рабства.

Советская Армия вела героическую борьбу на протяжении всего фронта от Севера до Юга. А в тылу врага гремел партизанский гром и сверкали молнии народной мести — это беспощадно истребляли захватчиков партизаны. Земля горела под ногами оккупантов.

Эта книга расскажет тебе, юный читатель, о жарких делах тех боевых лет. Я пишу о моих друзьях, с которыми война свела меня в партизанском соединении легендарного сына бе-

лорусского народа Константина Заслонова. Вместе с ними я испытал и горечь утрат и радость побед.

Много всего пережито-перевидано за тысячу сто дней партизанской борьбы. Я расскажу лишь об отдельных эпизодах.

ЧТО ЗАСЛУЖИЛИ, ТО И ПОЛУЧИЛИ

— Рус, хальт!

— Партизан, плен!

Это немцы закричали с проезжей части дороги.

...От дороги до лесочка—метров триста. Дубняк на взгорье невелик, но густ. Деревья, кусты, травы—словно дремучее зеленое царство. Воздух свеж, напоен дыханием трав и цветов. Там, где солнечные лучи пробиваются сквозь шатер листвы, играют, то появляясь, то исчезая, яркие блики.

Тихо в лесочке, сумрачно. Вольный ветер здесь притихает, листва шелестит едва слышно.

Будь сейчас рядом с нами наш лихой разведчик Михась Дмитрок, он, наверное, сказал бы, что мы здесь—как в зеленой пещере с множеством лабиринтов, или даже срифмовал бы: «Здесь прохлада и уют, черта с два нас тут найдут!» Он у нас парень с поэтическими замашками.

И куда увели его потайные тропы, какими местами он сейчас пробирается, кого выслеживает, высматривает?..

Удобно притаившись в тени деревьев, мы поджидаем врага. Одни сидят, думая о чем-то своем, другие подремывают, набираются сил, пока есть время.

Вот на дороге послышался далекий гул моторов, и мы поднялись на ноги, взяли за оружие. По команде выбрались на опушку леса и заняли свои места за стволами деревьев. Притаились — и молчок.

Вообще-то мы ожидали, что враг и на этот раз появится пеший. А тут, кажется, идет целая колонна автомашин.

Чувствуют, подлецы, где их может настичь кара: как раз напротив нашей засады круто тормозят и с грозными окриками открывают бешеный огонь. Пули свистят возле уха, цокают о стволы и ветви, с резким шорохом летит в траву сбитая кора.

Но мы помалкиваем, не выдаем себя. Наш гнев, нашу жгучую месть мы пока сдерживаем, точно пулю в заряженной винтовке. Потому что боевые патроны для нас, партизан, дороже золота: добывать их не так-то просто, вот и приходится расходовать по строгому счету. Это во-первых, а во-вторых, мы знаем: как только гитлеровцы увидят на своем пути кустик или бугор, тут же открывают огонь из всех стволов. Им на каждом шагу мерещатся притаившиеся партизаны. Они, видимо, считают, что если первыми откроют огонь, то мы либо начнем стрелять в ответ и обнаружим себя, либо дадим тягу, или — что еще лучше — сдадимся со страху в плен...

Как бы не так! Скорее сами угодят в тартарары! «Отправить гадов в тартарары!» — это любимая поговорка нашего Михася. Это он пустил ее в оборот. Сейчас в засаде каждый, наверное, повторяет про себя

это «ласковое» выражениице Но мы твердо придерживаемся испытанной тактики: выдержка и еще раз выдержка.

Главная цель нашей выжидательной тактики сейчас вот в чем: фрицы должны миновать нас с полным убеждением, что никакая опасность им с тыла не угрожает, что путь свободен. А впереди у них, в километре от нас, будет такой же лесок с другой стороны дороги. Именно там наша главная засада. Там наши товарищи нанесут по врагу первый удар.

А наша задача в том, чтобы ударить фашистам в спину, помочь товарищам окружить врага и уничтожить. Когда гитлеровцы бросятся назад, тут уж мы встретим их по всем правилам. Патронов жалеть не станем...

Машины, урча, опять тронулись, скорость почему-то сбавили. Кузова закрыты брезентом — это чтобы не было видно, сколько едет солдат.

Лежим, стиснув зубы. Кажется, упругие колеса вражеских машин катятся не по дороге, а по нашим сердцам... Обидно и больно видеть, как у тебя под носом проезжают ненавистные враги, и не нажать на спусковой крючок! Нудное гудение чужих моторов выматывает душу.

Они держат путь в поселок Новый шлях. Эта проселочная дорога только туда и ведет.

Уже не первый раз наведываются туда каратели...

Волостной бургомистр Задерин донес во вражескую комендатуру, что в Новый шлях заглядывают партизаны, что там скрываются коммунисты. С тех пор оккупанты стали проявлять к жителям поселка особую жестокость. То ночью нагрянут каратели, то днем.

И всякий раз устраивают повальные обыски, грабеж, допросы и казни.

Недавно, возвращаясь с ночной операции на линии железной дороги, мы завернули в Новый шлях, и жители с горечью рассказали нам обо всем, что здесь происходило.

— Три раза приходили, и каждый раз— те же двадцать человек. Пулеметов у них всего два, у остальных карабины. Вот бы подстеречь вам паразитов...

— Вы уж, родные, защитите нас, не то всех перебьют. Так и знай, опять нагрянут...

Нагрянут? Ну, значит, мы их и встретим, решили мы.

Мы уже знали от местных жителей, что в последний раз, как только ушли каратели, в Новый шлях пожаловал сам бургомистр с тремя полициями. Старая лиса, он завел речь издалека, выразил свое «сочувствие» запуганным до смерти жителям, стал уговаривать их: «Такие уж они, наши немецкие хозяева, не слишком-то милосердны. Я советую, когда придут немцы, не ожесточать их непослушанием. Не всех же они трогают— только коммунистов да партизан... Так что лучше миром да согласнем... А то, упаси бог, останутся от вашего поселка пепел да головешки... Недавно дали нам задание собрать картошки. Сборщики приедут. Лучше уж сами выносите из погребов к воротам. По пять пудов с избы всего-то! А то пойдут по дворам— все выгребут подчистую. Вот так-то...»

Ясно: раз бургомистр пообещал, значит, пожалуют наверняка. Если кто еще имел запас картошки до нового урожая, значит, и с тем распрощается...

И вот они едут. Как раз эту команду грабителей и поджидаем мы вторые сутки в засаде в этом густом лесочке.

С нетерпением ждем схватки с врагом. Вытягивая

головы, смотрим, как удаляются чужие грузовики, а перед глазами жуткими сценами предстает то, что на-
творили каратели в Новом шляхе.

...Ранним хмурым утром согнали они жителей по-
селка на площадь. Вокруг толпы с оружием наизго-
товку застыли солдаты карательного отряда. Долговя-
зый рыжий офицер выкрикивает, коверкая русские
слова:

— Ви тольшен нам сказать, где ест русски парти-
сан, кто ест большевик! Унд потшему вы кормиль бан-
дитен-партисанен?

Толпа враждебно молчит.

Офицер резко выкрикивает команду, и каратели
бросаются по домам.

В хатах они переворачивают все вверх дном, взла-
мывают сундуки, распахивают шкафы. Разрывают
подушки, матрацы, в открытые двери и окна летит
пух.

Пронзительно визжат поросята, отчаянно кудахчут
и хлопают крыльями куры: значит, ловят их, суют в
мешки.

Со скрипом растворяются ворота — выгоняют на
улицу коров, телят, овец.

Опять раздается срывающийся голос долговязого
офицера:

— Для партисанен не тольшен быть продуктен!
Партисан — капут!

...Из белой хаты, что у перекрестка, два солдата,
грубо подталкивая, выводят на улицу какого-то муж-
чину. Тот в одном белье. Забинтованная рука его на пе-
ревязи, перекинутой через шею, другой рукой он опи-
рается на палку, сильно хромает.

Это вели Ивана Шарая. Да, Шарай — коммунист,
комиссар, раненный на фронте в руку и ногу. С Берези-
ны мы помогли ему добраться домой в свой поселок. Он

рассчитывал подлечиться поскорей и прийти к нам в отряд...

Что затевают эти головорезы?..

Вот подвели комиссара к рыжему офицеру. Тот свысока глянул на Шарая — точно камнем в него швырнул — и опять обратился к местным жителям:

— Он есть бандитский комиссар?

В толпе никто ни звука.

Офицер обратился к одному из карателей, отдал ему какое-то распоряжение. Из его слов можно было разобрать: «... бургомистр Задерин...»

Затрещал мотоцикл, будто на дощатый настил с грохотом посыпалась из мешка картошка. На мотоцикле сидели водитель и автоматчик. К задку мотоцикла привязали длинную веревку, другим ее концом связали Шарая по рукам...

Мотоцикл рванул с места, Шарая дернуло, он упал во весь рост на землю, и его поволокли по земле. Волокли нарочно виляя, чтобы по ямам да кочкам. Не человека видели люди за мотоциклом, а лишь пыль, которая поднималась за ним.

Зарывав, заломив руки, рухнула на землю жена Шарая Ганка, но к ней никого не подпустили.

Страшно было все это видеть.

«...Что еще натворят эти изверги?» — в ужасе думали люди. Их все еще держали под дулами пулеметов.

Вернулись посланные за бургомистром солдаты. Задерин помог установить личность раненого: да, это и есть Иван Шарай — коммунист, красный комиссар.

Принесли откуда-то лопату:

— Ройте яму!

Пинками поднимают с земли Ганну.

— Муж твой — тебе и могилу копать!

Ганна снова упала на землю, схватила лопату, чтобы

прикрыть ее собой, никому не отдать. Но у нее вырвали лопату.

Избивая, заставили двух женщин и одного мальчишку-подростка рыть яму.

Комиссар, весь в ранах и ссадинах, лежал без сознания. Голова его была в сгустках крови. Но он еще не был мертв. Солдаты, сняв петлю с распухших рук, сапогами спихнули его в яму. Офицер навел на него пистолет.

Женщины, не в силах вынести эту бесчеловечную картину, закрывали глаза, зажимали уши.

Но офицер выстрелил. Три раза.

Каратели заставили поселян запрячь лошадей и погрузить в повозки все награбленное добро. Человекам десяти приказали гнать стадо. Наша партизанская связная тетя Гапуля и юный друг нашего Михася Ванютка тоже угодили в погонщики.

Вздывая пыль, понукая лошадей, длинной, беспорядочной колонной тронулись в путь. Впереди заскрипели повозки, сзади — повозки, стадо шло посередке, погонщики нехотя шагали обочиной дороги. И кругом — конвоиры.

Мальчишки, забравшиеся на плетень, глядели на все это большими испуганными глазами. Им было жаль своего смелого, смекалистого во всех играх дружка Ванютку: то ли отпустят его теперь домой, то ли нет. Говорят, немцы маленьких тоже угоняют в Германию, заставляют работать...

А Ванютка — веснушчатый мальчонка с копной золотых волос на голове — поравнявшись с товарищами, поднял длинный хлыст над головой и начал размахивать им, будто подгонял старых коров, а сам, к удивлению мальчишек, заговорил, будто бы бранясь:

— Ну вы, черти, слушай меня! Эй ты, Пеструха, куда сворачиваешь! А вот о твоём норове надо пере-

дать дяде Михасю... В ельник надо идти левой тропкой, там под дубом с дуплом есть яма, а в яме лежит «самоварчик»... И вы, курочки в мешке, не рыпайтесь! Яички-то ваши остались в дупле. Остальные еще подальше...

Мудреные слова говорил хитрый выдумщик Ванютка. Немцы-конвоиры едва ли поняли его лучше, чем коровы в стаде. Зато у шустрых мальчишек, у друзей Ванютки, ушки всегда на макушке...

Вот, стало быть, каратели опять едут в Новый шлях.

Миновав нашу засаду, доехали они до следующего лесочка у дороги, остановились и давай опять стрелять вслепую. Мера предосторожности.

А из лесочка — ни выстрела, ни живого голоса. И только когда машины двинулись дальше, вдруг дали дружный залп.

Меткими очередями строчили с флангов наши пулеметы, хладнокровно, с прицелом, били автоматчики, снайперски точно поражали переполошившихся гитлеровцев винтовочные выстрелы — небу стало жарко!

Мы могли определить наверняка, что вели огонь лишь из лесной засады. А это значит, наши товарищи не дают врагу даже опомниться, а не то чтобы обороняться...

«Молодцы, ребята! Так их!» — ликовали мы в душе. Как нам хотелось в эту минуту быть там, среди своих! Вот кто-то, не сумев себя сдержать, прокричал что-то радостное. Однако закон засады суров: смотри, наблюдай, стиснув зубы, держи врага на мушке, но чтоб черт

не знал, где ты залег! Подпусти врагов поближе, а когда дадут сигнал, уж бей без промаха...

Именно в такую огненную ловушку и попали сейчас фашисты.

Вот с дороги открыл огонь крупнокалиберный пулемет. К нему присоединилось несколько автоматов. Это отстреливались немцы — те, кто уцелел, прячась за колесами машин или в кювете. Но сейчас их положение было не лучше, чем у утопающих, что хватаются за соломинку. Немецкий пулемет быстро заглох.

Вскоре прозвучала отрывистая команда: «Цурюк!» Стало быть, фашисты повернули назад. Видать, не всех еще уложили. Мы осторожно выбрались из укрытия, напряженно наблюдаем за всем, что происходит на дороге. Двенадцать ребят готовы разом нажать на спусковые крючки.

Но тут произошло нечто неожиданное: хоть смейся, хоть плачь, а до нас ни одному живому фашисту не удалось дойти...

Между двумя лесистыми высотками, где притаились наши партизанские засады, неподалеку от дороги находился еще один небольшой пологий холм. Зеленая рожь там выбрасывала колос. И вот на этом-то холме, среди ржи, в момент беспорядочного отхода недобитых гитлеровцев неожиданно прозвучал короткий глуховатый хлопок, что-то взлетело со свистом, и на дороге показался черный фонтан взрыва. Это была мина. Мы заметили, как она, продолговатая, похожая на темную рыбину, слегка колыхаясь, летела по воздуху. И вот опять на холме — хлопок, а на дороге — взрыв. Закричали раненые фашисты...

Что за чудо-миномет? С неба, он, что ли, свалился? И кто это так метко бьет из него? Может, отступающие немцы заняли холм? Но ведь они не стали бы бить по своим, а били бы по нашим.

В самом деле, вот снова прозвучал хлопок, и на дороге снова разорвалась мина. И эхо раскатывалось от леса к лесу—будто выговаривало: «Тар-та-ра-ры!..»

Вдруг на холме кто-то быстро поднялся во весь свой рост, и рядом показалась чья-то маленькая фигурка. Они окинули взглядом дорогу и тотчас скрылись, будто их и не было. Опять раздался хлопок—и снова на дорогу полетела черная «рыбина»...

Мы видим: мины ложатся точно в цель, настигая последних в панике отступающих немецких солдат.

Вот полетела на них еще одна мина, и следом за нею смелый минометчик торжествующе прокричал:

— Проваливайте, гады, в тар-та-ра-ры!

Только тут мы догадались, что это наш Михась. Среди нас лишь он был отличным минометчиком еще с кадровой службы. Видно, не зря он то и дело мечтательно повторял: «Эх, раздобыть бы «самоварчик»... Вот и показал он сейчас свое искусство! Артист настоящий. И где же раздобыл он миномет?

Михась послал на дорогу еще одну мину и вслед ей озорно прокричал:

Под «Лявонику», фашист,
Попляши!
Больно ножки плясать
Хороши!..

Да, славный «танец» устроил пришельцам белорусский парень! Только пятки сверкали! «Лявонику» у белорусов—резвая, огневая пляска...

Дали сигнал выходить всем из засады.

Стали мы обыскивать трупы, глядим: да ведь немцы, что попались в огненную ловушку, оказывается, вовсе не тот отряд карателей, которых мы дожидались, а хозяйственная команда эсэсовского полка, следующего на фронт.

Что ж! Значит, операция вышла даже покрупней, чем мы задумали. Эта команда должна была наградить у населения как можно больше продуктов. Старшину команды мы нашли в кабине головной машины: он, видимо, был убит с первого выстрела.

Сняли с него планшет, развернули бумаги. Литовец Валис, наш переводчик, живо разобрался в этих документах. В одном из них говорилось, что команда имеет право в любом волостном управлении, в любом населенном пункте заpastись из местных ресурсов всем необходимым для полка.

Вот и получили по заслугам.

На дороге и обочине ее лежали в разных позах мертвые солдаты. Лишь двое раненых постанывали в низинке.

Радиатор головной машины был изрешечен пулями: из него еще капала вода. Поврежденной оказалась и последняя машина. Остальные машины были целы. А на одну — хоть сейчас садись и поезжай: мотор еще рабстал. Видно, жарко пришлось, если водитель не успел даже выключить его.

А миномет-то, миномет... Как чисто он поработал! Воронки от взрывов темнеют прямо посередине проезжей части, как будто к ленте дороги пришит десяток «пуговиц».

Где же он сам, наш Михась — такой толковый «швец»?..

А вон он спускается с холма на дорогу. Вернее, спускаются: их же четверо! Впереди, раздвигая колосья, вышагивает Ванютка. Тащит какой-то ящик. На лице у него — улыбка до ушей. Всем видом своим говорит: «Посмотрите-ка на нас! Каких птиц споймали!..»

Сзади, последним, идет Михась. Рослый, плечистый. Одной рукой, как ребенка, прижал к груди миномет,

в другой руке у него пистолет, нацеленный вперед... Он, хоть и упарился, устал, а не может скрыть улыбки. Посредине, между Ванюткой и Михасем, плетутся с поднятыми вверх руками двое немцев. Серовато-зеленые мундиры делают их менее заметными на фоне зеленого поля. Какие, однако, важные птицы! Один даже обер-лейтенант. Железный крест болтается на груди. «Почетный гражданин рейха». Надо думать, недаром он удостоен такой чести — не мало загубил советских людей.

— Здорово, братцы! Жаркая была банька! — громко заговорил Михась, выводя пленных на дорогу. Засовывая пистолет в кобуру, он продолжал: — Просим у вас прощенья. Задержка получилась. Вот из-за этих гадов. Заползли, змеюки, в рожь и лежат — ни звука. Идем, гляжу и глазам своим не верю: притаились голубчики! Я им: «Хенде хох!» — А они не то что руки, и головы не поднимают. Мы уж подумали, они того, богу душу отдали. Нет, живы, черти. Ощупал хорошенько одного — нет ничего, безоружный. Другой — тоже. Удивляемся: чего это они молчат, не шевелятся? Может, со страху под себя пустили... Шевельнул я сапогом вот этого, который с крестом, — руки-то у меня заняты. Подымает он голову, встает на колени, сам руки к груди прижимает, поганец, пощады просит: «Там партизан... Там немец капут... Вот битте ур...» — Часы мне свои, стало быть, протягивает, откупиться, подлец, вздумал, испугался, что прикончу. Вот получайте обоих тепленькими...

Михась опустил миномет на землю, вытер пот со лба.

— А этот «самоварчик» мы с Ванюткой... — начал было он, но тут наш командир перебил его:

— Молодец, Михась! Спасибо! Только ты про миномет потом. А сейчас у нас, товарищи, неотложное

дело: пожалуем-ка мы в «гости» к Задерину! Вражеские трупы надо по-быстрому закопать, а мундиры — на себя!..

Этот приказ пришелся не всем по душе. Правда, хоронить вражеские трупы — еще куда ни шло. Ведь фрицы получили по заслугам и навсегда останутся в земле, которую шли завоевывать. Нам же хорошо, что на нашей священной земле меньше осталось фашистской нечисти. Но вот натягивать на себя мундир врага и чувствовать себя в шкуре какой-то мерзкой твари действительно противно.

Однако делать нечего, пришлось надеть форму гитлеровских вояк, а самих их поскорей закопать. Даже доски принесли из ближайшего хуторка, поставили крест один на всех и сделали надпись: «Здесь покоятся двадцать четыре фашиста. Заслоновцы». Пусть знают фрицы, которые осмелятся ступить в эти места!

Все это проделали быстро. Медлить нельзя: надо завершить неотложное дело. Вот уж это будет дельце поприятней!

Ах, какое это удовольствие — ехать на машине, взвихривая пыль на дороге! Все напряжение двухсуточного ожидания, всю усталость как рукой сняло. Брезент с кузовов мы поснимали, едем стоя, держась друг за друга и ловко балансируя. Со странным чувством смотрим друг на друга: какими, мол, стали «солдатами фюрера», и громко смеемся, отпуская остроты.

Мы знали, что в волостном управлении, в подчинении Задерина, находится всего три полица, что гарнизона там никакого пока нет и что сам пан бургомистр постарается услужить немцам — то есть в данном случае нам — с лакейской угодливостью.

Так оно и вышло. Не успели мы подкатить к зданию, занятому под волостное управление, как навстре-

чу нам с жалким подобострастием на лоснящемся лице выбежал холуй-бургомистр. Сапоги у него с блеском, новые брюки-галифе сшиты по образцу немецких. Куцый френч перехвачен широким ремнем, на бляхе надпись: «Готт мит унс!»—«С нами бог!» У пояса слева—кожаная сумка, справа—пистолет в кобуре. На голове у бургомистра что-то вроде немецкой пилотки с козырьком. Он быстро снял с лысины головной убор, неуклюже шлепнул ногой об ногу, сутуловато поклонился и заговорил первым:

— Здравия желаю, паны! Милости прошу...—и с поклоном указал головой на распахнутую дверь, приглашая войти. Большая лысина его с желтоватым оттенком напоминала переспелую дыню.

— А на голове-то никакой растительности... Видать, почва никудышная,—шепотком сострил один из наших.

Видя, что заговорить с ним не слишком торопятся, пан бургомистр расплылся в слащавой улыбке, потом махнул рукой, вызывая кого-то из помещения. Оттуда выбежали три полиция и выстроились в один ряд со своим начальником. У каждого на рукаве—широкая красная повязка с белой свастикой. Вид полицейских также выражал холуйскую угодливость.

— Прошу милости, паны! Бургомистр Задерин и полицаи при волостном управлении готовы к вашим услугам!

Наш переводчик Валис сунулся в кабину, шепотком переговорил о чем-то с командиром, степенно вышел к бургомистру и, как бы переводя на русский язык распоряжение офицера, прокричал с надменным видом:

— Герр обер-лейтенант приказаль: сколько ви собраль налог—масло, яйка, курка, сметан—все неметленно покрушайт ауф унзсре машинен! Наш полк следует на фронт...

Большая пухлая рука бургомистра взлетела вверх, он скоропалительно, как наизусть, отбарабанил рапорт.

Да, немалые налоги сдирало волостное управление с населения, отбирая у полуголодных людей последнее. Два наших — да, теперь уже наших! — грузовика с верхом были нагружены продуктами.

Потом «герр обер-лейтенант» важно протянул Задерину из окна кабины лист бумаги с машинописным текстом и круглой печатью — удостоверение, выданное хозяйственной команде эсэсовского полка. Во время погрузки машин наш «герр обер-лейтенант» на обороте этого документа что-то написал химическим карандашом. Задерину же через переводчика он приказал:

— Немедленно вложить в конверт, аккуратно заклеить и доставить в ортскомендатуру! Ехать всем четверым вместе. Документ исключительной важности, как бы не попал в руки партизан. Итак, выполняйте! Вам будет благодарность...

Задерин с напряженным вниманием выслушал «обер-лейтенантского переводчика» Валиса, низко поклонился и тут же отправил горбоносого полиция запрягать лошадь, сам вскоре выбежал из конторы с готовым пакетом.

Мы, недолго мешкая, укатили восвояси. Делая остановки в деревнях, возвращали жителям отнятые у них продукты.

В свое лесное расположение мы добрались лишь под вечер. Хотя и порядком измотались, но настроение у всех было приподнятое. Когда, пересыпая речь шутками и остротами, стали обсуждать все свои «дела» за последние двое суток, ребята первым делом проехали на счет Задерина.

— Стольются же ему, подлецу, людские слезы!

— А он, поди, уже на веревке болтается...

— Ой как быстро они кинулись, чтобы вчетвером в одну петлю угодить!

Мы не сомневались, что Задерина с его полициями вздернут — уж это как пить дать! Они же сами доставили ортскоменданту смертный приговор, который им вынесли мы, партизаны. На обратной стороне удостоверения химическим карандашом было написано: «Герр ортскомендант! Мы в восторге от преданности и усердия ваших холуев. Это относится к любому и каждому из них. Они с большой готовностью погрузили на наши машины все продукты, отобранные у местного населения, за что мы им весьма благодарны. У нас были веские основания в знак признательности прикончить их на месте, но не стали пачкать руки, будучи уверены в том, что вы сумеете учинить им достойную казнь не хуже нас. Гутен таг!» Подпись: *Заслоновцы*.

Михась расположился поудобней со своим минометом, то плиту с места на место перекладывает, то ствол протирает масляными тряпками — точно мать с ребенком нянчится, даже разговаривает с ним, как с живым.

— Хорошо мы с тобой, «самоварчик» дорогой, гадов молотили, — хай лежат в могиле!..

А мы-то чувствуем: не терпится парню рассказать о своем «самоварчике», отвести душу. Мы смолкли, а он только того и ждал — начал:

— А что? Я уже на кадровой понял: в бою нет лучше оружия, чем миномет. Конечно, если он надраен, смазан. В ближнем бою и пушки никакой не надо. Он же сверху, сверху накрывает... В любой лощине, траншее гадов достать можно... Ах, как я по этой штучке соскучился! Уж и не знаю, как Ванютку благодарить. Молодец парнишка! Смышленный!.. Это же он догадался снабдить нас «самоварчиком». Яичко-то, оно дорого ко святому дню. Вот мы с ним, с Ванюткой вдвоем, и под-

стерегли тех-то, устроили им «святой день»... Надо, ребята, нам принять хлопчика в отряд.

Наш Михась подружился с Ванюткой еще прошлой осенью. Бывало, как пойдет в разведку, все старается завернуть в Новый шлях, чтобы повидаться со своим маленьким другом. Юный пионер Ванютка всей душой ненавидел гитлеровцев и предателей. Дядю Михася он полюбил за бесстрашие и смелость. Тот часто говорил, что нам, партизанам, не хватает оружия, и вслух мечтал о миномете. Говорил он об этом не случайно: наши при отступлении в начале войны зарывали, прятали оружие и боеприпасы, чтобы они не достались врагу. А вездесущие мальчишки потом находили это и переправляли к партизанам.

Именно так, оказалось, был раздобыт и этот миномет. Купались мальчишки в мельничном пруду, один нырнул и наткнулся на что-то металлическое. Ребята и давай нырять друг за дружкой, ощупывать странную вещь. Ныряли, ныряли — и один из ребят вытащил на берег пулеметный диск, другой — карабин... Поняли они, что это не все, и решили проверить. На ночь глядя пришли тайком на пруд, открыли створ в плотине, спустили воду и в восторге увидели под слоем ила пулеметы, винтовки и многое другое. А Ванютка сразу вспомнил, что дядя Михась часто говорил про оружие с толстым стволом и опорной плитой — про миномет... Копался, копался и, к великой своей радости, нашел такую штуковину.

Ребята по частям — кто ствол, кто плиту, кто мины — потащили находку в лес. И на ходу решили: место, где спрятан миномет с минами, должен знать только Ванютка — он один его и запрятал. И стали ждать, когда придут знакомые партизаны.

Вышло так, что наш партизанский отряд совершал в эти дни дальний рейд, а тем временем в Новый шлях

нагрянули каратели, учинили дикую расправу над боевым комиссаром Шараем, а Ванютка с тетей Гапулей попали в погонщики скота...

Михася в эти дни не было с нами. Вместе с разведчиками из соседнего отряда он выполнял особое задание и, уже возвращаясь, завернул в Новый шлях.

Друзья Ванютки и рассказали ему про дуб, под которым лежит «самоварчик», и про «яички» в его дупле. Словом, повторили все, что выкрикивал Ванютка, погоняя коров, отобранных карателями. А Михась сразу догадался, что значат эти загадочные слова...

Он, понятно, страшно обрадовался, разыскал поскорей и дуб, и «самоварчик», и «яички» к нему. Двое суток провозился в лесу над минометом: драил песком и золой, оттирал сукном и мягким тряпьем с керосином, вычистил до блеска, смазал, привел в боевую готовность. Потом перебрал, осмотрел хорошенько мины, сделал пробные выстрелы — мины оказались вполне пригодными.

В те же дни, убежав из-под конвоя, тайком вернулись в Новый шлях несколько погонщиков, а вместе с ними, конечно, и Ванютка. Они говорили, что тетя Гапуля едва ли вернется: каратели подглядели, как она подливала немцам в молоко гнилую болотную воду. Когда ее схватили и стали избивать, она кричала им в лицо, мол, будь у нее мышьяк — она бы еще и мышьяку добавила... Ее отправили в комендатуру.

А Михась с Ванюткой повстречались и очень даже кстати подоспели со своим «самоварчиком» к нашей сегодняшней операции.

Михась с озорной улыбкой продолжает свой рассказ:

— Как услышали мы пальбу на дороге, сразу смекнули, что помощь тут нужна. Ну-ка, думаю, испытаем наше оружие! Спешим. Ящик с минами сам волоку,

Ванютка тащит «самоварчик». А помощник он, знаете, какой? Во!—воскликнул Михась, вскинув вверх большой палец.—И позицию заняли—лучше не придумаешь: все как на ладони. Жаль, мало нам «дела» досталось. Только мы вошли с Ванюткой в раж, тут и заварухе конец.

— Молодцы. Хоть раз, да как раз,—вставил наш толмач Валис.

— А ведь мы, братцы, нынче, можно сказать, за одним зайцем погнались, а сразу поймали двух,—начал было разведчик Петрусь Скроба, но Михась, хитро подмигнув, тут же поправил его:

— Четырех! Четырех зайцев!—И уточнил свою мысль:—А что, неправда? Считай: с хозкомандой разделались? Разделались. Стало быть, раз. Офицеров двух в плен взяли? Взяли. Вон они сидят, присмирели, как ягнята. Вот тебе два. А операция «Задерин и три полиция»—это что? Три! А две машины вон за кустами теперь наши? Наши. Они нам послужат. Еще как послужат! Ну как? Разве не четыре?..

Прав был Михась. Никто ему ни слова не возразил.

А Ванютка сидел возле старшего друга и, затаив радость, смотрел, как тот ловко смазывает боевой «самовар-самопал».

СТРЕЛЯНЫЙ

Ушел малец и как в воду канул. Сын нашего отряда. Обещал, что все сделает: и листовки в гарнизонное село пронесет под самым носом у фашистов, и все тамошние новости разузнает у деда Мудрака, и вернется со свежими данными...

Уж которые сутки ждем. Может, и в живых-то его нет. Может, сцапали вместе с листовками...

Весь отряд в беспокойстве. Думаем-гадаем каждый по-своему.

— Наверное, угодил немцу в лапы. Ах, жаль хлопчика!—сокрушается один из ребят.

— Да не может такого быть!—возражает ему другой.—Он же из воды сухим выйдет.

— Еще сглазишь! Помолчал бы,—с досадой восклицает третий.

— Вот и подкинули мы своего птенца ястребу в самое гнездо,—мрачно произносит четвертый.

Никто из нас не мог оставаться равнодушным к судьбе Ванюшки. Этого шустрого, смышленного мальчишку полюбили все еще до его прихода в отряд. На какие трудные, порой дерзкие дела шел он, чтобы быть принятым в партизаны! Это он вместе со своими сверстниками обшарил окрестные леса, обследовал пруды, даже заброшенные колодцы и раздобыл для нашего отряда столько боевого оружия! А как он переживал, что ему всего лишь двенадцать лет и что мал ростом! Даже каблуки прибил к сапогам высокие и прическу завел пышную, чтобы казаться взрослей.

День, когда его приняли в партизанский отряд, он, без сомнения, считает самым счастливым.

Маленький, худенький, расторопный, вездесущий человечек с пытливыми бойкими глазами—вот его-то и нет среди нас. Его-то нам и не хватает. Бывало, разберешь для чистки-смазки пулемет или автомат—он тут же подбежит: «Дядя, дай я соберу!» Теперь некому приставать к нам с вопросами: «Почему до сих пор не изобрели многоствольную винтовку? Есть же у фрицев шестиствольный миномет!» Или: «А нет ли такой пушки, чтобы вот отсюда выстрельнуть и прямо в самого Гитлера попасть?..»

Эти его наивно-простодушные вопросы, его непосредственность трогали нас до глубины души. Сейчас

же от сведений, которые должен был добыть наш юный разведчик, зависел характер дальнейших действий отряда. Так что все мы не на шутку были обеспокоены участью нашего юного боевого друга.

А минометчик Михась в последние дни ходит и во все сам не свой. Замкнулся, ушел в себя, стал угрюмым, мрачным. Ведь это он больше всех настаивал, чтобы принять Ванютку в отряд. А тут случись такое. Поневоле задумаешься.

Обсудили сложившуюся ситуацию с командиром и комиссаром отряда. Приняли решение взять вражеский гарнизон под самое строгое наблюдение — выставить с четырех сторон дозорные посты как можно ближе к селу, держать под контролем все дороги и тропинки, задерживать и допрашивать каждого, кто выйдет из села. Наблюдения не снимать до тех пор, пока не выяснится обстановка. Если же окажется, что Ванютка в самом деле схвачен, то объединить силы нескольких отрядов и разгромить гарнизон. Командир соединения Константин Заслонов поставлен в известность об этом решении, и для организации налета нам оставалось лишь сделать соответствующее сообщение в штаб. Ванютка не должен погибнуть!

...Нашей группе было поручено вести наблюдение у реки, где лес подходит к самому берегу. Полноводная река здесь круто забирала вправо, огибая село. Мощный булыжником большак прямоком выходил из села на мост через нее. И большак и мост мы хорошо видели из своей засады. Вдали за огородами зеленой полосой тянулись луга. Там женщины косили траву, и когда они точили косу, до нас доносился шемающе-призывный звон.

Место для наблюдения выбрали удачное: и обзор хорош, и лес укрывает надежно. Мы свободно могли видеть всех, кто появлялся на улицах села. К тому же,

оказывается, на этот берег реки выгоняли пастись стадо, значит, и от пастуха можно кое-что выведать.

День выдался солнечный, жаркий. Каждое дерево, каждый листик, каждый цветок в лесу источал целебный аромат. Радостный птичий перезвон стоял вокруг. Над водой, почти касаясь зеркальной глади, носились касатки. Высоко в небе над полями звенели жаворонок. Дали застилало синеватой дымкой.

Все кругом мило и дорого, все наше, родное. Только на душе нет радости: оккупанты хозяйничают на нашей земле.

Мы залегли под старой развесистой липой. Нам бы слушать да наслаждаться птичьей разноголосицей, любоваться прекрасными видами, а мы устремили зоркие глаза на село, ловим каждый звук, доносящийся оттуда.

Гарнизон расположен в бывшей школе. Здание ее теперь более чем наполовину врыто в землю, окон почти не видно. Это своего рода мера предосторожности от партизанских налетов. Не рискуют фашисты и их прихвостни полиция жить на земле открыто, иначе не стали бы зарываться в землю, как кроты. Мы слышали, что крыша здания не из жести, а из брони. И это оказалось правдой: немцы использовали в качестве кровельного материала щиты от разбитых танков и бронемашин. Значит, враг боится не только пуль партизанских, но и мин, и снарядов.

Хозяйственных построек возле казармы не видно, если не считать одного лабаза да нескольких караульных будок. Все это обнесено тремя высокими рядами колючей проволоки. Во избежание внезапного нападения нашего брата, партизан, все деревья в школьном саду вырублены под корень. Лишь в стороне, обращенной к селу, оставлено несколько берез и тополей.

Вокруг «кротовьего гнезда» сегодня было оживленно — велись работы по уборке территории. Одни, пыля, орудовали метлой, другие нагружали мусор в телеги и увозили куда-то — словом, наводили шик и блеск. Вот укрепили над казармой флаг с темным пятном в центре — то ли это была свастика, то ли изображение черепа с костями — не разглядеть. В некоторых дворах и на улицах села тоже шла уборка. Можно было подумать, что гитлеровцы готовятся к какому-то празднику.

К полудню солнце стало припекать еще жарче. Мы переместились поглубже в тень.

Нас здесь трое. Высокий тонколицый Паша Шаршун назначен в дозор потому, что родом он местный. Уж он-то знает эти места как свои пять пальцев, да и родные, близкие у него тут. Я послан сюда как разведчик, то есть по прямому моему назначению. А Михась сам вымолил разрешение пойти с нами.

Освоившись с обстановкой, мы решили вести наблюдение попеременно, по одному. Надо было и отдохнуть, «комара задавить», ведь нам здесь и ночью быть на посту.

Паша первым заступил на пост, а мы с Михасем растянулись в густой тени и пустились в воспоминания. Михась взволнованно, можно сказать, с отцовским чувством заговорил про Ванютку.

— Первый-то раз я встретил его на лугу под Новым шляхом. Было это еще прошлым летом, в августе. Идем мы с задания. Низинкой идем, вдоль реки. Гляжу, на берегу стоит малец, крепышок этакий. В пилотке. А на пилотке красная звездочка. Наша, армейская. Сам глазастый. Прямо пожирает нас глазами. И держит гусака. Обхватил его обеими руками... А гусей кругом полно — и на воде, и на лугу. Пестро от них кругом. Мы думали, что он пасет гусей, расспрашивать нам его вроде не о чем, проходим себе мимо. А малец

этот вдруг срывает с головы пилотку со звездой, сует ее под рубашонку и заговаривает с нами первый:

— Дяденьки, а вы партизаны или полицаи? — лично сделал такое наивненькое.

— А тебе-то что за дело?—ответили мы ему вопросом.

— Та-а-ак. Если б вы были полицаи, то не уходили бы в лес. И ремни у них, у полицаев, немецкие. И на бляхе надпись: «С нами бог». А вы—партизаны, да ведь?

Мы заулыбались. Малец тут же вытащил обратно пилотку, надел ее и пощупал красную звезду, будто убеждаясь, на месте ли.

— А ты кто такой?

— Я Цуп. Фамилия у нас такая. А зовут меня кто Янкой, кто Ванюткой. По-русски — Иван.

— А что тут делаешь?

— Да вот гусей...

— Пасешь, что ли?

— Да нет, не пасу. Я их натравливаю друг на дружку, чтоб подрались. Вот этот — наш. — Мальчик приподнял изрядно общипанного, со сгустком крови на голове гусака, который при этом загоготал, вытягивая длинную шею. — А вон, видите, из воды выходит большая стая, — те гуси полицаевы. Сам-то он, полицай, из нашего села. Фашистам проданся, теперь в райцентре живет. Так я и напускаю своего гусака, чтобы он полицаева гусака покрепче исклевал!

Осмелел парнишка, приосанился, подошел к нам и с гордостью эдак поглаживает своего боевого гусака, ждет, что мы ему скажем.

— Это ты здорово! — невольно рассмеялись мы. — Ну и как же, удастся твоему поклевать того?

— Теперь уж удастся. Нынче он так потрепал полицаева гусака, аж с ног сбил! Перья летели! Но поли-

цаевский все-таки поздоровше, черт! Полицай же, он заодно с фрицами народ грабит и гусаку корму перепадает вдосталь. Вот понесу-ка я своего домой, наменяю ему картошки с отрубями. Пусть забьет того насмерть! Вы подождете? Я сейчас вернусь. Мигом! Вот увидите, как он его...

— До чего хороший малый! Смышленный такой!— продолжал Михась.— Нам, конечно, не до гусяного боя было. Большими грустными глазами смотрел малец нам вслед и вдогонку спросил, как понимающий: «Дяденьки! А вы заслоновцы, да? Или из бригады Решетникова?..» Мы ушли, ничего ему не сказали. Только издали помахали рукой на прощанье. Тогда-то мы еще не знали, что полицай из их же села выдал немчуре его отца, коммуниста.

Михась поднялся, сел на пенек, скрутил сигарку, закурил. Наша беседа текла медленно, как само время. Но вдруг послышался зов Паши:

— Эй, вы! Посмотрите-ка, посмотрите!— прошептал он, нетерпеливо махнув рукой.— Видите, вон в небе бумажный змей! Большой, белый. В конце села. Прямо над казармой...

В самом деле, на высоте двухсот-трехсот метров над землей парил змей. Длинный мочальный хвост его развевался, играя на ветру.

На первый взгляд как будто ничего удивительного в этом не было. Кто из нас в детстве не делал змея, закрепляя лист бумаги в раме из тонких сухих лучинок, и не изводил целые шпульки маминых ниток.

Но, к нашему удивлению, этот змей оказался особенным, с секретом.

— А вы заметили листки? Вон, вон, летят вниз...

Это сказал Михась. И верно, кружась и разлетаясь по воздуху, падали на землю белые листки бумаги. Откуда же они падали, если не со змея?!

И тут именно со змея (мы это разглядели) слетел еще ворох листков, и эти тоже, подхваченные легким ветром, кружась и перевертываясь, летели на землю.

Потом мы заметили, как во дворе казармы и на улице люди ловили, подбирали эти листки. Солдаты открыли стрельбу. Стреляли в змея. Видимо, хотели сбросить нитку. А змей, будто назло, врагам, все парил на высоте, точно заколдованный.

Надо думать, этот загадочный бумажный змей ужалил гарнизонных кротов. Но все же откуда он взялся? Мы строили разные догадки. Однако даже самая убедительная догадка не есть еще ответ.

Конец дня прошел без особых происшествий. Удалось ли что-либо выяснить нашим ребятам на других наблюдательных постах, мы пока ничего не знали.

Ночью мы дежурили также поочередно.

Гарнизон всю ночь был в состоянии боевой тревоги. По улицам шныряли патрули, светя карманными фонариками, в воздух то и дело взлетали осветительные ракеты, отрывочные команды и какая-то суетня не прекращались до рассвета.

Когда утром радужными самоцветами засверкала на траве роса и большое яркое солнце стало всплывать над горизонтом, мы вдруг уловили далекий, но мощный, нарастающий гул.

Мы поняли, что к селу движется большаком через лес колонна танков или бронетранспортеров. Спустя некоторое время в этом всезаглушающем рокоте уже можно было уловить и металлический скрежет, лязганье гусениц, отдельные сигнальные гудки.

Ждем, что будет дальше. Вот по мощеной дороге вырвались из кустарников к мосту головные машины. Вся эта грохочущая бронированная лавина на миг показалась мне каким-то огромным и отвратительным чу-

довищем. Голова его, считай, уже на мосту, а туловище, хвост еще волочатся где-то далеко...

В колонне помимо тяжелых танков и бронетранспортеров были и легкие танки, и грузовики с солдатами.

Вот легковая машина юрко покатила по мосту, и за ней двинулись в два ряда танки. И тут произошло нечто совершенно неожиданное. Мост с треском стал заваливаться набок, переломился пополам, и вместе с ним, точно хрустнувшая палка, переломилась и головная часть колонны, что уже была на мосту. Тяжелое металлическое грохотанье, удары сталкивающихся машин, крики ужаса—все слилось в одно. Танки, что были на мосту, перевертываясь, полетели в воду.

Через некоторое время все смолкло. Кажется, враг приходил в себя. В колонне не работал ни один мотор. Вот показались офицеры. Они выходили из задних машин и гуськом, по одному осторожно пробирались к мосту. Из казармы бежали к месту катастрофы солдаты.

Вскоре на берегу возле разрушенного моста столпились немецкие военные. Офицеры, нервно переговариваясь, стали показывать рукой на реку, и несколько солдат тут же открыли стрельбу из автоматов.

Оба берега возле моста были крутыми, поэтому мы не могли видеть, в кого стреляли немцы. Но было ясно, что преследуемые где-то на воде. Метрах в трехстах ниже моста река делает поворот, и лишь за этой лукой течение реки уже целиком попадает в поле нашего обозрения, да и то смутно: утренний туман еще не рассеялся.

С берега продолжали яростно стрелять. Но вдруг стрельба внезапно оборвалась. И тут нам показалось, будто за белесой пеленой тумана скользит по реке что-то едва различимое, темное. Вот оно обогнуло береговой мыс и движется наискосок к левому берегу.

Наконец-то мы отчетливо увидели, что это легкая лодчонка с двумя гребцами. По ним и стреляли немцы. Но теперь они уже вне опасности: выступ берега заслонял их от огня. Лодка вот-вот с ходу вылетит на берег, а тут начинаются густые тальники. И совсем рядом — лес, в котором мы сидим вторые сутки.

Мы уже радовались за смельчаков, хотелось придать гребцам силы, помочь им спастись...

Однако до спасения, видать, было рановато. Не достали фашисты их пулями, так решили накрыть минами... Били часто, но опять наобум: берег скрывал от них лодку. Мины с завыванием взлетали в воздух и, разрываясь, кромсали воду до дна. Все чаще вздымались вверх фонтаны черной воды. Шквал огня стал надвигаться на береговую полосу, некоторые мины рвались уже в ивняке у воды.

Лодчонку швыряло взрывами, как щепку, захлестывало водой. Она то исчезала, то показывалась снова. Но вот мы ее совсем потеряли из виду. На берегу темным пятном промелькнуло что-то и пропало, точно растворилось без следа.

Минометный обстрел продолжался еще с четверть часа и, наконец, прекратился. Вода в реке улеглась, успокоилась. Туман уже рассеялся. Течением несло много всплывшей наверх оглушенной взрывами рыбы.

Немецкие офицеры долго разглядывали в бинокль нашу сторону и так ни с чем удалились.

Полдня возились немцы, стараясь вытащить на берег затонувшие танки, но ничего им сделать не удалось. Тогда офицеры приказали солдатам жителей села согнать на площадь, а их дома поджечь.

Поднялся ветер. Село загорелось гигантским костром. На пожарище жутко было смотреть.

Танковая колонна двинулась обратно...

С этого дня гарнизон под названием Обольцы, долж-

но быть, навсегда был вычеркнут из списков немецких ортскомендатур: потом мы узнали, что командование бронетанковой части обезоружило и арестовало гарнизонное начальство вместе со всеми солдатами и полицией и увезло их под стражей.

Вот что мы увидели из нашего укрытия...

«А что же с Ванюткой, так и не нашли?» — спросите вы.

Ванютка сам нашелся. Вечером того же дня он был в нашем отряде.

Предоставим теперь слово ему, пусть он сам и завершит этот рассказ.

— ...Пришел я в село под вечер. Прямым ходом. Даже у околицы никто не остановил. Часового не было. На улице заметил какой-то полицей: ты что, говорит, тут шляешься? Останавливать не стал. А чего ему меня задерживать-то, пацана, оборванца? И в руках у меня нет ничего. Листовки-то были под штанами: я их плотно привязал к бедру. Если задержит, думаю, у меня ответ готов: ищу, мол, овечку, из стада не пришла. И деда Мудрака я нашел быстро. Правда, не с ходу помчался к нему. Сперва поиграл с мальчишками на улице. Был там один такой — полицейский сынок. Я, говорит, тебя потом в сад проведу, где казарма, черемухи наломать. Ладно, думаю, и это моему делу не помешает.

Потом вижу, дед выходит с ведром к колодцу. Подбежал я к нему, будто воды напиться, и говорю: «Я от дяди «Сокола» принес «белых лебедей». Узнал он меня. Нельзя, говорит, пока их в полет-то пускать. В село, говорит, кажись, кто-то должен прибыть. Ожидают. Убираются, чистоту везде наводят — готовятся к встрече. Патрули, говорит, так и шныряют.

Завернул я к нему домой, когда уже темнело. Взял он у меня листовки, говорит, надо пока припрятать.

Устно передал мне свои сведения, и я — обратным ходом из села... Не успел я выйти проулком за огороды, слышу, кричат: «Стой, куда, паскуда, бежишь?» Я им: «Бычок, говорю, рыжий такой, с рогами, из стада не пришел, надо пригнать, пустите!» — А мне: «Никаких бычков, марш домой! Никому ходить не велено, таков приказ!»

Ну, думаю, влетит же мне в отряде. Делать нечего, поплелся обратно. А про себя думаю: все равно убегу.

Опять играем с мальчишками. Во дворе у одного построили шалаш. Поиграли в войну, в шалаше же и переночевали. А утром полицейский сынок повел меня ломать черемуху. Залезли мы с ним на дерево, которое повыше, я и давай все кругом разглядывать. Оказывается, живут-то они, полицаи, под землей. Будки у них там построены, четыре штуки. Вроде конурок. А работать их заставляют, гоняют, ну прямо как собак! Одни бегут на караул, другие с метлами — на улицу, третьи убирают в казарме, моют, все перетряхивают. А этот змееныш полицейский издала мне своего отца показывает. Я как будто в восторге: вот, мол, какой он у тебя! И спрашиваю: «Чего это они больно уж из кожи-то лезут? К празднику, что ль, какому стараются?» — А он, оказывается, прослышал: солдаты немецкие должны прибыть с фронта. На отдых. Много солдат. Прямо на танках...

Потом я скорей смотался, пошел с дедом Мудраком рыбачить. Лодка у него маленькая, своя. Я тоже научился грести. А рыбы-то в реке! Успевай только вытаскивать! То сорожка, то щука... Долго мы рыбачили. Там я сказал деду про солдат на танках. А он только буркнул: «Вон как!» — и молчок. Вернулись мы к нему в хату, он набросал в ведро свежей рыбы — и в гарнизон. Гостинец понес полицейскому начальнику.

Зло меня взяло: если б я знал такое, весь бы улов в речку выбросил.

Потом-то понял: оказывается, так нужно было.

Пришел он обратно и говорит: «Сорожка — что? Мы с тобой завтра сома поймаем! Под мостом он водится. Там вода поглубже. Разрешение мне начальник выдал, вот ужó пойдем, попытаем счастья».

Пошли мы с утра пораньше сома ловить. На реке тихо. Забрались под самый мост. Крючки закидываем, сачком орудуем. Прямо с лодки. Вдруг слышу, дед говорит: «Теперь смотри в оба». Сам внимательно эдак оглядел сваи, пересчитал шепотком: «Раз, два, три, четыре, пять...» — «Чего считаешь?» — говорю. Наклонился он и шепчет мне на ухо: «Подпилить надо... На танках же приедут...»

Я сразу смекнул: вот это будет здорово, если с моста загремят!..

Гляжу, дед тихонечко достает из-под сиденья пилу. Принялись мы за дело. Это ведь не просто — подпилить сваи, когда кругом фашисты.

Так и пошло у нас: чуток порыбачим и опять за пилу. В первый раз две сваи подпилили. Пять свай с одного ряда — и будет порядок. Одна сторона подломится — и весь мост затрещит под танками-то...

Нам было забавно видеть, как в пылу увлечения мальчик идею деда Мудрака выдавал чуть ли не за свою собственную. Но мы не подавали виду, слушали его с самым горячим интересом. К тому же сам дед Мудрак уже никогда нам обо всем этом не расскажет...

— Допиливать сваи мы вышли чем свет, — продолжал Ванютка. — А то среди жаркого-то дня кто тебе поверит, что ты рыбачишь? Мы уже вот-вот дело кончаем, вдруг слышим: моторы гудят. И тут же в кустах на берегу свист послышался тоненький. Оказывается, дед послал туда своего наблюдателя.

Идут же, идут танки! Мы заторопились, запыхались. Они, слышно, гремят уже совсем близко. Тянем пилу-то туда-сюда, сил уже нет... Успели все же! А сами скорей в лодку и дали ходу по течению. А они уже на мосту. Тут они и загремели в воду, танки-то ихние...

Мы уже думали, спаслись. Нет, гады, заметили. От пуль мы успели уйти: поворот помог. А мины рвутся кругом—до чего противно! Лодку вот-вот перевернет... Ладно, я могу плавать, а вдруг дед не умеет... Как я сго буду вытаскивать? Мы с ним пригнулись, дед гребет, а я за рулем. И до берега-то уже рукой подать...

Тут Ванютка сник, опустил голову, голос у него дрогнул.

— Я уж хотел выпрыгнуть, поскорей вытянуть лодку на берег,—продолжал он.—Только привстал, вдруг взрыв! Меня выбросило в воду. Подымаюсь—вода мне по пояс. Тут еще взрыв... Я упал. Потом встаю, вижу, цел. Надо лодку тянуть, а лодки нет, одни только обломки на воде... А дед... деда я больше не видел...

Мальчик вздохнул и вытер кулаком глаза.

А проделка со змеем, оказалось, тоже была Ванютина. Все очень просто. Выбрался он незаметно за огороды, в тальники, запустил змея, а змей его был предварительно «нагружен» листовками, отпечатанными на тонкой папиросной бумаге. Он их прикрепил к раме резиновой ниточкой из старой подтяжки деда Мудрака. А когда вывел змея повыше, подергал за вторую нить порезче, листовки со змея и посыпались над самой казармой. А когда они попали в руки полицаев, Ванютка как ни в чем не бывало уже возвращался с дедом Мудраком с удачливой рыбалки.

Ванютка окончил свой рассказ и угрюмо смолк.

— Да-а,—одобрительно улыбнулся ему Паша Шар-

шун.— Обстреляли тебя, выходит, из всех видов оружия... Хорошо, браток, что цел вернулся. Стреляный теперь ты у нас. Так и звать тебя будем.

НЕСЧАСТЬЕ ПОМОГЛО...

Этот хорошо обжитой лесной массив под Новым шляхом мы вынуждены были оставить. Жаль покидать уже привычные, уютные землянки. Удастся ли на новом месте устроиться так же надежно и удобно?

Отход был связан с большим риском и трудностями. Немцы начали против нас широкую, всесторонне подготовленную карательную операцию. Они называли это «прочесыванием».

Конечно, мы сами дали этому повод. Житья им никакого не стало, на каждом шагу подстерегало лихо. Нам доносили верные люди: начальник окружной полиции, какой-то хауптвахтмейстер, в бешенстве насккивал на своих подчиненных, кричал на них, потрясая кулаками: «Когда вы, наконец, разделаетесь с этими бандитами! Или ждете, когда они сами разделяются с вами?!»

Полиция со всех ног бросалась проявлять прыть и рвение. На всех дорогах выставляли засады, небольшие лесочки прочесывали объединенными силами двух или трех гарнизонов; вывешивали объявления: «Тот, кто поймает и приведет живого партизана или укажет место расположения партизан, получит столько-то марок, корову, надел земли...» Всем, кто помогает партизанам и их семьям, угрожали жестокой расправой.

А чего они этим достигли?

Сами же стали попадаться в наши ловушки, оказались под новыми неожиданными ударами.

Мы, партизаны, живучи, вездесущи. Прегради они нам дорогу — у нас есть потайные тропы, окружи нас

в лесу — мы исчезнем, затеряемся в поле... Мы хозяева каждого бугорка, каждого кустика.

Однако на этот раз против нашего соединения была предпринята операция крупного масштаба. Враг понял, что одними полицейскими мерами успеха ему не добиться, и вот с фронта в наш район специально вызвали особый полк эсэсовцев. Они открыли против нас настоящие боевые действия, как на фронте. До сих пор такого еще не было.

Во все близлежащие селения набилась гитлеровская солдатня. На всех высотах установили орудийно-пулеметные точки, на развилках и перекрестках дорог поставили танки.

Ранним утром над нашим расположением в лесу показался черный силуэт «рамы». Это особый немецкий самолет с парным фюзеляжем. Гитлеровцы использовали его в целях разведки и корректировки артиллерийского огня. Как только увидел над головой «раму», так и знай: вот-вот появятся и бомбардировщики.

Бомбардировщики и на этот раз не заставили себя долго ждать. Не успели разлететься по лесу листовки, разбросанные с «рамы», как вскоре полетели и бомбы.

Говорили, что фашисты изобрели против партизан специальные бомбы, вот и решили испытать их на нас. Изобретение оказалось коварным. Легела бомба вниз с душераздирающим воем. На определенной высоте она раскрывалась, и из нее, рассеиваясь во все стороны, сыпалось множество мелких мин. Фашисты не поспешили на оружие для истребления: на каждое дерево в лесу, пожалуй, пришлось бы по несколько таких мин...

Однако это было лишь начало. Потом заговорила артиллерия, рванулись с места танки, цепь за цепью пошли солдаты и полицаи прочесывать лесной массив.

Ситуация сложилась тяжелая. У нас появились убитые и раненые. Враг все наращивал плотность огня. Противостоять такому мощному наступлению мы, конечно, не могли.

Мы усилили дозоры, заняли в глубине леса плотную оборону. Разведчики ушли срочно обследовать состояние Замощьенских болот — можно ли сейчас уйти из этого леса нашей тайной тропой. Вечером, в сумерки, начнем отходить — так было решено на совещании командиров в штабе соединения. Нужно было вывести из-под удара живую силу, переправить раненых.

Двинулись мы гуськом, длинной вереницей, шагая след в след.

Под вечер сгустились тучи, припустил дождь.

Теплый мелкий дождичек! Лей хоть как из ведра, тебя-то мы не боимся. Мы и так идем чуть не по пояс в воде. Лишь бы ночь длилась подольше да серый туман стоял погуше!

Мокрые, усталые, мы шли всю ночь. Рассвет был хмурый, тягучий — как раз то, что нам надо. Однако мы старались идти быстро, без остановок. Во-первых, надо как можно дальше оторваться от преследующих карателей; во-вторых, мы идем по сплошной трясине, утопая в густом илистом месиве. Попробуй только остановись — липкая болотная грязь сразу начнет засасывать, не вырвешься! Никто в колонне не смеет задерживаться.

Двух ребят едва удалось спасти: они вдвоем несли пулемет; груз большой, стоило чуть замешкаться, и уже сдвинуться с места не могут, затягивает, вот уже только головы да руки видать... И подойти, помочь невозможно. Ладно, березки росли поблизости. Товарищи пригнули верхушки, дали ребятам ухватиться, и отпустили — деревца разогнулись и вытянули их... Словом, страх быть затянутым в трясину тоже крепко подгонял

нас. Если уж крайне необходимо задержаться, то бросай под ноги одежду или раскинься, полежи, либо выбери место, чтобы была кочка для опоры.

Вот какие они, Замошьенские болота. Немцы не стали окружать наш лес, ставить нам заслоны с тылу: они были уверены, что прижмут нас к болотам и учинят полную расправу, а болотные топи лишь помогут им завершить операцию...

Но разведка нашла тропу, родная природа пришла нам на выручку. Пусть теперь фашисты кусают себе локти!

Полусонно, будто нехотя, кричат в ближайших хуторах редкие петухи. В мгlistой тьме теряются чахлые перелески вокруг.

Болото кончилось метров за двести до ближнего леса. Вернее, не кончилось, а тянулось дальше вправо, а мы свернули влево, к лесу.

Это расстояние между болотом и лесом мы прошли задом наперед, чтобы запутать немцев, если все же они нападут на след.

В низине, скрытой туманом, решили сделать привал. Отсюда тянется овражек, по которому можно выйти к речке с тальником по берегам. Тальником сумеем перебираться и среди бела дня. Этот маршрут должен привести нас в Куповатские леса — там предстояло теперь нам обосноваться.

Из огненной ловушки врага, таким образом, мы сумели выскользнуть. Спасибо командирам за риск и находчивость. Эти страшные болота мы одолели, можно сказать, без потерь и злоключений. Но об одной неожиданной и странной встрече на этом пути можно рассказать поподробней.

На самом выходе из болотной трясины мы неожиданно наткнулись на какого-то подозрительного человека.

Когда наши ребята заметили его, он выглядывал из камышей, чуть высунув голову из воды. Наводят на него автомат: «Вставай! Кто такой?» — Тот дрожит, кивает головой, а слова вымолвить не может. «Руки вверх!» — Он, весь мокрый, встает, поднимает руки, а у самого зуб на зуб не попадает. «Откуда тут взялся? Как сюда попал?» — Тот наконец зашевелил губами: «Бежал я...» — «От кого бежал?» — Растерялся человек, голову опустил, бормочет: «Не знаю...» — «Ах, не знаешь?.. Ничего, у нас быстро узнаешь. А ну-ка вылезь сюда!» — Разведчики живо вытащили его из воды, обыскали, начали допрос.

Времени в обрез, разговор краток.

— Где твое оружие?

— Я не брал оружия.

— Где это не брал-то?

— В гарнизоне.

— Чей ты шпион?

— Верьте — не верьте, ничей я не шпион.

— А эта листовка откуда у тебя взялась?

— Немецкая она.

— Видать, и сам ты немецкий...

— Если вы партизаны, вы меня поймете, а если полицаи, все равно прикончите... Верьте — не верьте, — бежал я. Из гарнизона, из Алексеничей... А эти листовки я ночью ходил расклеивал... Вот увидите расклеенные, тогда сами убедитесь. А эту, последнюю, я нарочно оставил при себе. В доказательство...

Лет ему было за сорок. Крупного сложения, чуть сутуловатый. Полное, рыхлое лицо его бледно от страха. Такого можно было легко принять за шпиона и тут же пустить в расход, чтобы скорей развязаться. Но когда он обмолвился про Алексеничи, про тамошний гарнизон, то вроде бы даже вырос в наших глазах.

«Алексеничи — крепкий орешек... Алксеничи — опасный нарыв...» — так оценивали наши командиры сильный вражеский гарнизон, находящийся в этом селе. Если верить беглецу, он именно там работал поваром и оттуда дал тягу. А раз так, то он для нас сущий клад! Мог же он и в самом деле бежать.

Трое разведчиков в срочном порядке наведались в ближайшую деревушку и установили следующее: немцев в этой деревушке нет и не было, а из Алексеничей всех полицаев до единого погнали брать партизан. Это сказали очевидцы. А листовок на воротах за ночь появилось немало. Одну из них ребята принесли показать командиру.

Увидев это, наш беглец вдруг осмелел, обрадовался: — Вот эти самые и есть! — нетерпеливо вмешался он в разговор. — Глянешь — как будто точь-в-точь немецкие, а начнешь читать — наши! В двух деревнях я их расклеил тридцать четыре штуки, а эту оставил при себе в доказательство. Вот сличайте! — Теперь-то у него язык развязался...

Вчера с «рамы» над лесом сбрасывали такие же листовки. Только на той, какие расклеивал беглый повар, не было обращения жирными буквами: «Партизаны!» Оно было заклеено другой надписью: «Полицаи — продажные шкуры!» А внизу вместо подписи: «Немецкое командование» мы прочли на наклейке: «Партизанский штаб».

— Это и есть ваша работа?

— Да, да, — вовсе не по-военному, словоохотливо отвечал беглец. — Двадцать листовок я расклеил в Алексеничах, четырнадцать — тут. А последнюю вот вы забрали...

Подали команду, и мы двинулись дальше. В нашей колонне одним человеком стало больше. Хотя пока

и под стражей, но все-таки он в нашей колонне. Останется в наших рядах или нет — время покажет.

Между тем в нашем строю, растянувшемся на целую версту, шел разговор именно о нем.

— Пригреешь вот так гадюку...

— А что он повар — так это вполне возможно. Глянь только на него: пузан жирный.

— И повар, поди, никудышный. Из такого гарнизона даже винтовки не прихватил...

— И листовка-то, может, липовая. Мало ли случается провокаций.

— Ну, в этом-то разберутся живо. Говорит же, тридцать четыре штуки расклеил. Что мы, считать не умеем?

— А все же мужик он не из смелых. Заметили, как он заюлил сперва-то. Таким хотел показаться ягненком, чтобы ни полицаи не обидели, ни мы. Я бы так не смог. Резанул бы сразу, кто я такой есть. А чего он прятался в воде-то? В дудочку, говорит, дышал, да? Ха-ха!..

— Что ни говори, а повар — не вояка!

— Не волнуйся, брат, наш дядя Костя так его прощупает, что всю душу его насквозь увидит.

Эту неожиданную встречу на выходе из Замощьенских болот с полным правом можно было бы отнести к случаям вполне заурядным в нашей партизанской жизни. Мало ли кто приходил к нам, просился в отряд, мало ли кого мы принимали по своему усмотрению. Однако этот случай примечателен тем, что он привел нас к большой и редкостной удаче.

Когда этот повар сказал, что бежал «из гарнизона, из Алексеничей», у нашего командира блеснула в голове дерзкая идея.

Мы ведь сейчас в полном составе перебираемся в Куповатские леса. Наши люди еще заранее выбрали

там несколько подходящих мест на случай, если появится необходимость менять базу. Не раз наведывались туда, вели подготовительные работы. Но каждый раз, советуясь об устройстве на новом месте, не без досады упоминали этот осточертевший нам гарнизон в Алексеничах. Недаром его называли крепким орешком. Полицаи там подобрались отъявленные негодяи — наперебой старались выслужиться перед гитлеровцами. Чуть ли не каждый день разъезжали по деревням, сдирая с населения налоги, гоняли людей на тяжелые работы, требовали самогонку, пьянствовали, чинили произвол. Такие установили порядки, что местные жители боялись ногой ступить за черту своей деревни или хутора, иначе рисковали получить пулю в спину...

Легко представить, насколько небезопасно нам было такое соседство. К тому же и гарнизон-то обосновался на самой большой высоте, и вражеские наблюдатели могли без труда обзирать окрестности, так что и костерок в лесу приходилось бы разводить с опаской.

Вот почему мы давно имели зуб на этот самый Алексенический гарнизон. Скорей всего именно здесь предстояло нам дать врагу бой.

Алексеничи стояли на пути нашего следования: мы должны были обойти село низиной.

По словам беглого повара, большой корпус казармы на вершине горы наполовину врыт в землю; территория вокруг обнесена высоким забором из колючей проволоки, по углам — вышки; а под казармой — тайный подземный ход, и ведет он под гору, в сухой лог. Это полицаи оборудовали себе «метро» на всякий пожарный случай. А сейчас полицаи повели эсэсовцев прочесывать лес. В карауле осталось человек шесть...

Беглец из Алексеничей во всех подробностях доложил нашему командиру план расположения складов, помещений, для ясности даже начертил на тетрадном листке

небольшую карту-схему, изложил правила внутреннего распорядка в гарнизоне.

Теперь оставалось решить: положиться на этого повара или нет. Если уж поверить ему, то надо верить до конца.

Вот он сидит среди нас и старается открыто и честно смотреть нам в глаза. На висках у него сединка, на усталом лице теперь отражается внутренняя успокоенность. Чувствуется, он не прочь и улыбнуться, рассказать нам что-нибудь по-свойски, но наши товарищи из охраны поглядывают на него строго, как бы говорят: «Хватит с тебя того, что ты уже наговорил!» — И он волей-неволей сдерживает себя.

А ведь в самом деле он еще очень мало сказал о себе. Зовут Иваном, фамилия Федоров, родом из Воронежской области, работал директором вагона-ресторана в скором поезде Москва — Белосток. В первые же дни войны поезд попал под бомбежку, Федоров очутился в окружении, был схвачен немцами под Оршей и заключен как военнопленный в концлагерь. Позже был назначен поваром. В Алексеничах он с начала нового года. И вот бежал, чтобы присоединиться к партизанам.

...Привал, передышка.

Тонкие белоствольные березы от легкого ветра тихо шелестят блестящей листвой. Этот трудный ночной бросок через болота сильно измотал нас. Многие захрапели сразу, как только уткнулись головой в траву, иные еще только собираются лечь. И куда ни глянь, кругом сушится на солнце заляпанная болотной жижей одежда. Вдали за Замошьенскими болотами гулко ухают взрывы бомб, гремят оружейные залпы — это нас там сейчас «теснят к болотам и уничтожают»...

Вот повалился, закрыл глаза и наш «пленник» Федоров. Смог ли он сразу уснуть? Наверное, захлестнули

беспокойные мысли — вон его как перекидывает с боку на бок...

«Взрывать гарнизон меня не возьмут... А ведь я пробрался бы туда так — сам леший не заметил! И взрывчатку бы заложил... Не верят. Боятся, уйду и не вернусь... Да разве затем я целых семь месяцев выжидал момента, чтобы вырваться из этого треклятого гарнизона!.. А может, эти ребята все же правы? В конце концов, не все ли равно, кто именно подложит взрывчатку? Разве не пригодятся им сведения, которые я дал? Где пройти, куда повернуть — все ведь сказал... Вот ужо разнесет этот чертов гарнизон в пух и прах — тогда и на меня взглянут по-другому... Да и как им сразу и положиться-то на меня? Ведь мог я столько времени прислуживать врагам — варить, стряпать, кормить их? Почему не сунул им в пищу яду? Почему сам не догадался взорвать их логово?.. Легко сказать! Попробуй, когда ты сидишь безвыходно на кухне, под замком. А где возьмешь оружие, мину? Да разве я что смыслю в этом? Эх, робкий я человек. Нет во мне решительности. Смерти боюсь, это верно. И нынче вот чуть не поплатился за это...»

Может, такие мысли не давали покоя новичку, а может...

Нет, лучше уж без всяких «а может...»

Почему-то хотелось верить, что именно так думал этот немного странный человек и что скоро мы по-свойски начнем называть его дядей Ваней.

Мы не ошиблись в нем: тот день оказался для нас на редкость удачным.

К моменту, когда скомандовали строиться, все «за» и «против» были тщательно взвешены и план действий всесторонне обдуман.

Вечерело. Солнце скрылось за дальними лесами, лишь последние лучи его еще касались высоких крон

берез на взгорке, а внизу среди кустарников уже распознал сумрак.

Килограммов тридцать взрывчатки прихватили наши ребята, отправляясь на боевую операцию. Двинулись низом, огибая взгорок. Всего семь человек. Больше и не надо. Двое автоматчиков бесшумно выйдут на высоту и возьмут под наблюдение казарму, остальные — пятеро саперов должны отыскать на склоне горы тайный вход в «метро». «Склон-то пологий, вы там увидите стога сена. Один стожок будет маленький — под него и лезьте, — наставлял ребят напоследок наш пленный дядя Ваня. — На самом-то деле это и не стожок вовсе, а шалаш. Через него и попадете в подземный ход. Тут оставите часового, а сами — в казарму. А уж там — действуйте, как умеете!»

Тем временем, разбившись на отдельные отряды, пришла в движение вся колонна. Одним дано было задание окружить село и залечь в боевой готовности, другим — затаиться на путях подхода к нему — словом, не выпускать врагов из села и никого не впускать в село. Впрочем, задерживать никого и не пришлось.

Мощный заряд взрывчатки сработал точно в срок, и взрыв, надо сказать, оправдал наши надежды. Вздвигая крышу казармы, высоко полыхнул огромный фонтан оранжевого пламени.

Перестрелки никакой не последовало. Видимо, в гарнизоне не осталось людей, способных держать оружие. А нам тем более не имело смысла попусту тратить патроны.

С разных сторон вступили мы в село.

Дядя Ваня, грузный, радостно-взволнованный, запыхавшийся, стирая пот с лица, торопился поскорее показать командирам подвалы с запасами продуктов и склады оружия. Встречая на улице знакомых селян,

он приветствовал их и тут же с гордечкой добавлял: «Вот и мы пришли!..»

С самой высокой точки горы смотрели мы на Замошьенские леса, раскинувшиеся внизу бескрайним морем. За ними остался Новый шлях — родное село нашего Ванютки. А немцы все еще прочесывали лес, где мы были сутки назад... Вдалеке одна за другой вспыхивали и повисали в воздухе осветительные ракеты, в нескольких местах полыхал пожар. Это горели наши пустые землянки, шалаши, разные постройки... А здесь, на окраине села, над гарнизоном набирало силу другое пожарище.

У них свои дела, у нас — свои...

А в селе как светло стало! Листовки на воротах нельзя было не заметить: «Полицай — продажные шкуры! Фашисты — убийцы, душегубы! Смерть вам!..»

Погожий, приятный вечер.

Мы нагрузили в повозку побольше дорогих трофеев, запрягли вороного жеребца — гордость начальника гарнизона — и продолжали свой путь дальше.

Пожар в гарнизоне и на оружейных складах озярял нам дальнейший путь. «Костер» получился колоссальный!

ОН НЕ БЫЛ ТРУСОМ

Без клички не бывает партизана. Таков неписанный закон. Когда тебя принимают в партизанский отряд, тут же тебе дают и кличку. А потом эта кличка вносится даже в именной список, в графу «примечания».

Вы спросите, на что она, кличка? А на то, во-первых, чтобы человека легче запомнить. Положим, у нас в отряде есть и русские, и белорусы, и латыши, и тагары, и азербайджане. Попробуй запомнить и в нуж-

ную минуту назвать: Имант Витольдович Берзинь, Кадыр-заде Мамед-оглы Абдулджанов или Мухаммед-садри Валиуллович Гильмуллин... То ли дело: «Стрелок», «Баку», «Садри-минер»!.. А если, во-вторых, у партизана тут же, на белорусской земле, родные, дети?.. Узнают фашисты — никого в живых не оставят. А кличка, она бережет, спасает.

К тому же ее ведь придумывают. Смотря каков человек. Были у нас в отряде разные ребята. Одного звали «Каланчой», а другого «Колобком». Как услышишь кличку, будто человека самого увидишь. Иной раз кличка так пристанет к человеку, что, как говорится, и с мясом не оторвешь.

А вот наш новый повар Федоров имел даже две клички. Сперва, из уважения к его почтенному возрасту, мы звали его просто дядей Ваней, но в отличие от другого дяди Вани-сапера иногда добавляли «повар». А повар он у нас был классный.

Но неожиданно произошла трагикомическая история, в которой наш дядя Ваня-повар заработал себе вторую, надо сказать, нелестную кличку — «Трусоватый».

Вот как это случилось.

Холодной осенней ночью, пустив под откос вражеский эшелон, мы быстро отходили, возвращаясь в расположение отряда. Было темно, хоть глаз выколи. Дул резкий переменчивый ветер. Лес тревожно шумел.

А мы устали, на ходу с ног валимся. Решили остановиться в одном хуторе. Разбрелись по хатам человек по пять, перекусили кое-как и — спать. Повару и делать нечего. Он, конечно, мог бы в честь боевой удачи устроить нам ресторанный ужин, но увы, у нас не было ни походной кухни, ни подходящих продуктов... Вот и попросился наш дядя Ваня в ночной караул, но назначили его в патруль.

Только уснули мы, и вдруг подъем по тревоге! Слыш-

но, кто-то кричит: «Трупы!..» Всполошились все. Что за трупы? Кого убили? Наших?..

Оказалось, никто никого не убивал, а все началось с того, что кто-то поднял шум, мол, труп оживает. И виновником всего оказался наш почтенный повар дядя Ваня.

Мы еще с вечера знали, что в хуторе есть покойник. Умер человек преклонного возраста, и, как водится в таких случаях, посидеть возле покойника собрались старики и старухи. И вот среди ночи в ужасе выскакивают они из хаты и натыкаются на патруль.

— Чего шумите? Что стряслось?— останавливает их наш дядя Ваня.

— Оживает... Труп оживает... Вот в этой хате...— лепечут в страхе старички.

Дядя Ваня входит в дверь с винтовкой наизготовку и тут же пулей вылетает обратно. Трясется, не знает, что сказать.

— Встал, что ли?— спрашивает старушка.

Патруль машет на нее рукой, бежит к ближайшей хате, кричит в окно:

— Тревога!.. Труп... ожи... ожи... оживает!..

Сбегаются наши ребята, смотрят—ничего особенного. Покойник как лежал, так и лежит.

Дядя Ваня еще отдышаться не успел, шепчет из-за чьей-то спины:

— А вон... усами шевелит...

— Усами...: Да это же ветер в окно дует!— твердо сказал кто-то.

Сконфузился тут наш патруль, готов сквозь землю провалиться.

С тех пор в отряде и пошло: «Который дядя Ваня?»— «А который трусоватый...» Называли-то только за глаза, а все равно это до него каким-то образом дошло. И стал он таким угрюмым, точно подменили его. А сам

каждый день готовит все новые блюда: то шашлык подают на стол, то перемячи, пельмени — одно вкусней другого. И даже такое затеял: если кто-либо из ребят успешно выполнит боевое задание, дядя Ваня обязательно преподнесет ему именной торт...

Кормит нас, приговаривает:

— Ешьте, ешьте, не бойтесь, кому надо, могу добавить.— «Не бойтесь» произносит вразтяжку, как бы с намеком.

По дрова за сушняком уходит подальше, чтобы лес вокруг лагеря не трогать, расположение отряда не оголять, и уходит всегда вечером, когда темно. А если ребята пойдут за хворостом, крикнет:

— Спускайтесь в Черный лог! Не бойтесь, ни один черт вас там не тронет...

Идут ребята добывать провизию — и он с ними первый. Однажды гонят две бабы да мужик большаком двенадцать коров — сдавать немецкому начальству, а он, наш повар, выходит с автоматом на дорогу, выдает им расписку, мол: «Отбили мы, заслоновцы...» — и заворачивает коров в лес, а сам приговаривает:

— Хороши будут котлетки для моих орлов...

Только потом пожалел, что маху дал: мужчина-то, который вместе с женщинами гнал коров, оказывается, был полицейай. Такую птицу упустил!..

— Вот не знал,— сокрушался он.— Я бы ему живоскомандовал: «руки вверх!» Ну да ладно, черт с ним! Зато мы у другого полицейая медом поживились.— А у самого, бедного, щека распухла, одного глаза не видеть, а сам все силится улыбнуться. Ему больно, а мы от смеха удержаться не можем: мы же знаем, как он добывал этот мед: совершил набег на пасеку какого-то полицейая.

В одном хуторе набрал он с ребятами продуктов, едут задами. И хлебец есть в повозке, и картошка, и

бидон молока. Смотрит дядя Ваня — стоит дом под железной крышей. Полицайский дом. А в саду, как раз у плетня, ульи. Целый ряд ульев. Полицая-то самого перевели в волостной центр, окна заколочены, а ульи так и остались в саду. Не успел, видать, перевезти. Наш «Трусоватый» хватъ ведро с воза и к ульям. Штыком откидывает верх, подцепляет соты и в ведро, и в ведро! Без дымара работает, без сетки на голове... Облепили его пчелы, жалят, а он бормочет, мол, мед — для раненых, вещь целебная, набивает ведро, сам отмахивается, ребята над ним со смеху покатываются. Кто-то подсказывает, мол, пчел надо водой облить, летать перестанут. А где ее наскоро раздобыть, воду-то? Сняли с воза бидон молока, опрокинули на «медосборщика». Надо же человека спасти!..

Возится наш «Трусоватый» возле кухни, бубнит:

— Раздуло — пройдет, зато добыл меду. А что, испугался я, что ли?..

А мы, знай, хохочем над ним. Нет, чтоб кто-нибудь догадался сказать, мол: «Смельчаков боевые раны только красят» или что-нибудь в этом роде.

Переживал он, конечно, свое нелестное прозвище, однако виду старался не подавать.

Вскоре пошли мы на большое дело, и тут-то наш «Трусоватый» показал себя.

Есть такая война — называется она войной рельсов. В тылу у гитлеровских войск, в Белоруссии, первым развернул ее наш славный командир Константин Заслонов. Партизаны одновременно взрывают рельсы на железных дорогах всех направлений, и движение останавливается, враг целыми неделями не может перебрасывать на фронт ни живую силу, ни боеприпасы, ни продовольствие. Вот это и есть война рельсов.

Динамитную или толовую шашку величиной с куриное яйцо подкладываешь под самый рельс и присыпаешь так, чтобы шашка плотно прикасалась к рельсу. Это мы называем «подложить яичко». В шашке есть взрывной капсюль, а от капсюля отходит бикфордов шнур. Этот шнур только подожги — его уже ничем не погасишь. И горит очень быстро. Конец бикфордова шнура обматываешь ватой, вату поджигаешь и сам — пулей в сторону. От ваты загорается бикфордов шнур, огонь по шнуру добегают до шашки — и тут вспыхивает ослепительный сноп огня, раздается взрыв и со свистом летят в разные стороны куски рельса. А когда разом взрывается множество таких «яичек», получается хороший «фейерверк!» За одну ночь выводятся из строя железнодорожные пути в целых областях.

На одну такую операцию выходят сотни человек. Каждый подкладывает «яичка» по четыре, по пять. Все делается внезапно и быстро, и тут уж никакой вражеский патруль, никакая охрана помешать не могут. Некоторые сами сдаются в плен, даже помогают взрывать пути.

Пошли мы на очередное дело «подкладывать яички» на линии Орша — Витебск. Ночь была холодная, хмурая, по-осеннему долгая. Идти надо было далеко. Пробирались глубоким оврагом, пересекали голые поля. Потом, шурша опавшей листвой, вошли в лес, ночь переночевали под деревьями и опять двинулись. Все лесами, по бездорожью. Настала вторая ночь в пути. Все идем. Но вот мы уже у цели: отчетливо слышим, как проносятся по железной дороге вражеские составы. Мы уже не идем, а подкрадываемся к линии, стараемся шагать как можно осторожней, бесшумней.

Метров на сто по обе стороны от железнодорожного полотна земля очищена от леса, даже пни выкорчеваны. Это гитлеровцы сделали для того, чтобы наблюдать

было удобней. Боятся, как бы партизаны не взяли их врасплох.

А мы, считай, уже на линии!

У края вырубки бесшумно растянулись вдоль пути длинной цепью по одному, притихли, прислушиваемся. Вот на дороге послышалась короткая возня и чье-то глухое кряканье. «Охрану прикончили», — сказал кто-то в темноте. Мы всей цепью сбежали прямо на линию и по сигналу принялись за дело. Каждый уже нащупывал рельс, чтобы скорей выбрать из-под него холодную, плотно слежавшуюся глину, перемешанную с гравием, и подсунуть под рельс «яичко».

Но неожиданно из-за поворота послышался гул идущего состава. Этот гул быстро нарастал — поезд шел на предельной скорости. Вот уже ослепительно глянул глаз прожектора... Огромный состав, громохкая, летел на нас...

Нас ничто не могло поколебать — ни внезапность появления этого поезда, ни то, что он такой большегрузный, ни сумасшедшая скорость его. Мы свое дело все равно сделаем: подложим «яички», подожжем шнуры и бросимся обратно в лес. Минуты через три-четыре все равно вспыхнет, заиграет наш «фейерверк»... Но как досадно, что этот состав может успеть проскочить невредимым! Ах, если бы он шел хоть минутой-двумя позже!.. Полетел бы в тартарары со всеми своими пушками, танками!

А состав летит, приближается... Видно, как валит из трубы паровоза черный дым. Не пройдет и минуты, как состав промчится, и лишь потом — прощально! — начнут взрываться «яички». Такой состав упустить!.. И под рукой, как на грех, ни одной мины!

Все произошло в мгновение ока: поезд, вот он... Мы бросились в сторону, залегли. Все с нетерпением ждем, скорей бы, скорей бы сработало хоть одно «яичко»!

Припали мы к земле, не дышим, ну, что сейчас будет?..

Состав уже пронесся мимо нас, как вдруг под последним вагоном, светившим красным огоньком, вспыхнул ослепительно яркий сноп света и раздался такой треск, словно по быстрым колесам ударила молния... Ровный перестук колес сменился страшным грохотом. Тяжелые вагоны, платформы с танками и пушками полетели под откос. Со свистом пронеслись над головой какие-то обломки, осколки... И тут вдоль всей линии затрещали частые взрывы — это заиграл, взрывая рельсы, наш «фейерверк».

Наконец чудовищный грохот прекратился. В темноте слышались крики, стоны. Где-то впереди беспомощно фыркал слетевший с рельсов паровоз...

Вот на следующей станции — до нее было километра три-четыре — немцы уже пускают сигнальные ракеты. Забили тревогу. Застрекотали пулеметы. Учужали беду! Сейчас сядут на бронедрезину, набьются в бронепоезд и припустят к месту происшествия.

Что ж, пусть едут, полюбуются!

Нас они здесь уже не застанут. И следа не найдут...

Впрочем, на следы-то могут и напасть. Ранним осенним утром, когда на траве еще держится иней, враги увидят много следов, ведущих от разрушенного полотна дороги к лесу. И один из них окажется горячим... Они догадаются, с каким трудом карабкался в ночной темноте один партизан, как из раны его сочилась на траву кровь, как он лежал, теряя силы: вот темное пятно от лужицы крови...

По следам партизан они, может, и в лес заглянут, но никого там уже не найдут. И никогда им не узнать, кто, рискуя жизнью, укоротил бикфордов шнур, чтобы взрыв не промедлил...

И радоваться врагу нечего: этот партизан не погиб, он среди нас. Осторожно, как бы убаюкивая, несли мы его на самодельных березовых носилках. Его ранило в спину и руку, когда он уже отползал. Взорвалось «яичко», загремел вражеский состав, тут осколки и настигли партизана. Один засел под лопаткой...

Но наш санинструктор курносая Маша — мы ее в шутку зовем Помощницей смерти — хорошенько осмотрела его, перевязала, потом с улыбкой сказала:

— Ничего, дядя Ваня, до свадьбы заживет. Ладно, в голову не угодили осколки-то...

Ничего не скажешь, трусоватый не пошел бы на такой шаг!

С тех пор эта унижительная кличка навсегда отстала от нашего повара.

РАДОСТИ И ГОРЕСТИ

Ночь.

Путники остановили лошадь у зарослей молодого сосняка. Здесь лес кончался, дальше дорога подымалась открытой местностью в село.

Густо падает снег. Так и валит крупными хлопьями. Кажется, и начался недавно, а уже всю землю одело толстым белым покрывалом. Еще только вчера ездили на телегах. Еще всего несколько часов тому назад здесь прошли наши разведчики. Попробуй сейчас найти их следы! Недаром партизаны в зимнее время большинство своих вылазок стараются совершать в пургу.

Эти сани с задком приберегли в отряде еще летом, а коня в них запрягли лишь сегодня — с первым же зимним снежком, по первопутку. Трем нашим парням из партизанского отряда надо побывать в двух населенных

пунктах и успеть вернуться в расположение, пока снегопад не прекратится.

На саях, в передке под ворохом сена, стояли два ведра и лежал тюк белой материи. Самый высокий из путников — сухопарый, в шапке танкиста, в полушубке и с автоматом за плечом был Зиннур Шафеев из группы минеров.

Один из верных людей в селе, который потихоньку делал деревянные коробки под самодельные мины, был неожиданно схвачен полицией, и теперь минеру «Каланче» предстояла задача найти среди местных жителей и приспособить к делу нового мастера. Другой паренек с его неизменным карабином — это разведчик Петрусь Скроба. Сам он невысокий, быстрый, юркий, а шинель на нем не по росту длинная, поэтому Петрусь всегда выглядит несколько комичным. Он имел задание встретиться со связными, добыть свежие данные о противнике. А третий был Антон Седельников с неразлучным своим пулеметом; его долг — обеспечивать двум первым безопасность и всячески помогать товарищам.

Было у них еще одно поручение — надо сказать, тоже очень важное — это раздать жителям села заказы на пошив белых маскировочных халатов. Самолеты с Большой земли время от времени сбрасывают нам на парашютах различный груз. Из белой ткани парашютного купола должны выйти отличные маскхалаты. Белый тюк в кошевке — это и есть полотнища от парашютных куполов.

В повозке есть еще ведра с гостинцем от повара дяди Вани. Вы спросите, что за гостинец? А холодец. Такой, что возьмешь в рот — язык проглотишь. И перчику, и чесночку в нем как раз в меру. Очень кстати оказался и лавровый лист, прихваченный из продуктовых запасов гарнизона в Алексеничах. Повар дядя Ваня так и нака-

зал, устанавливая ведра в снях: «Гостинчик мой преподнесите тете Мариле — она ведь выхаживала меня, когда я лежал раненый, пусть берет себе сколько хочет. Да не обделите нового коробочного мастера и портных, что возьмутся шить маскхалаты. Пусть попробуют моего холодца! Мне краснеть за кушанье не придется. А голя на холодец у нас до самой весны хватит...»

Запас голя у нашего повара действительно был велик. После того как гарнизон в Обольцах был арестован, о стаде коров, принадлежавших гарнизону, мы позаботились сами. А недавно большую часть скота пришлось прирезать на зиму. Так что запасец есть. Что же касается качества приготовления холодца, то дядя Ваня оказался мастером прямо-таки первоклассным.

... Около четверти часа простояли три друга возле своей повозки, напряженно вглядываясь в сторону села. Но разглядеть из-за густого снега им ничего не удалось.

Подумав, ребята пришли к решению все же войти в село. Неклюдово они знали как свои пять пальцев, до последнего колышка. Гарнизона поблизости нет, село лежит в стороне от больших дорог. К тому же и разведчики наши не так давно побывали здесь, все было спокойно.

Однако въезжать напрямик по улице все-таки рискованно. Лучше подъехать задами, у проулка сделать остановку, одному сходить посмотреть на колодец возле хаты тети Марили, а уж там все зависит от того, что «подскажет» колодезный журавль.

Из низинки выехали к проулку. Скроба сошел с саней и пошел один глянуть на колодезный журавль.

Колодец этот находится в дальнем конце проулка, перед окнами тети Марили. Подойди поближе и увидишь, в каком положении оставила его тетя Мария.

Если журавль вознес к небу длинный тонкий конец и бадья висит свободно над срубом колодца, это значит: «В селе спокойно, можете заходить без опаски». Но если вверх приподнято старое колесо на коротком конце журавля, а бадья опущена в колодец, значит: «Появляться опасно». Таков язык этого скрипучего колодезного журавля. Когда ни приди, он всякий раз подскажет, как следует поступать дальше.

Днем, в ясную погоду, этот «говорящий» журавль виден еще с опушки леса. Сейчас же приходится подбираться чуть ли не вплотную...

Не успел Скроба разглядеть журавль в густой снежной мгле, как вдруг неожиданно услышал чужой окрик. Басовитый голос требовательно спросил по-русски:

— Кто идет?

Ответ Скробы прозвучал так же кратко:

— Идет Победа!

Таков был пароль заслоновцев на последнюю неделю. Но ответ Скробы, видимо, не был понят, тот же голос еще более строго выкрикнул: «Кто идет?» — на немецком языке.

Скроба молча отбежал назад и в сторону, в ту же секунду прогремел одиночный выстрел — сигнал тревоги.

Над проулком, над повозкой в конце проулка, просвистела трассирующая пуля.

Гадать тут нечего, все ясно как день: в Неклюдово заявились немцы. Одного из часовых, стало быть, поставили в проулке, на него и наткнулся сейчас наш разведчик. Стрелял ли сам Скроба, трудно сказать: на его карабине был глушитель.

Минер Зиннур и пулеметчик Антон Седельников тотчас соскочили с саней, залегли в снегу по двум сторонам дороги и стали прислушиваться.

Сейчас им оставалось одно: оглобли назад и с места в галоп. Задержка получалась из-за Скробы. Вернулся бы он скорей да уйти бы целыми-невредимыми, пока противник не пустился в погоню с превосходящими силами...

Зиннур с Антоном пока что считали себя вне опасности: во-первых, никто из села увидеть их не мог, во-вторых, у них под рукой готовая упряжь. Лишь бы поскорей вернулся Скроба!

Стояла напряженная тишина. Минер с пулеметчиком, держа пальцы на спусковом крючке, лежали в снегу и с нетерпением ожидали своего товарища.

В конце проулка — там, где был немецкий часовой, — открыли пулеметный огонь. Трассирующие пули, светясь, одна за другой летели над проулком в направлении деревни Микулино. Микулино от Неклюдова разделяет лесистая низина, расстояние между ними всего километра два-полтора, в ясный день эти селения видны одно из другого как на ладони.

Часовой, конечно, нажимал гашетку не только для того, чтобы одолеть собственный страх, но и с надеждой попасть в нашего друга. Благо, он не мог вести прицельный огонь, и пули прочерчивали небо достаточно высоко над нашими ребятами.

Вот впереди на снегу смутно показалось что-то серовато-темное. Зиннур с Антоном догадались, что это ползет к ним Скроба, и, прикрывая его отход, дали разом очередь в сторону немецкого часового.

Увидев друзей, разведчик вскочил, кинулся к ним. Подбегая к повозке, он широко махнул рукой, как бы говоря: «Вертай, поехали!»

Но тут полицейский жеребец неожиданно заартачился, уперся, и пересилить, успокоить его не было никакой возможности. Мы захватили этого резвого вороного коня в Алексеничах и с тех пор ни разу не использова-

ли его ни в одном серьезном деле, так все время и продержали жеребца на откорме, не зная, какие за ним водятся причуды. А он, оказывается, не переносит стрельбы: храпит, дрожит от страха, выкатывает глаза, и сколько ни дергай вожжи — он ни с места.

А момент-то какой! Немецкий часовой непрерывно стреляет. В окнах засветились огни. Над селом ярко вспыхнула ракета. И снег, как нарочно, идти почти перестал.

Вон и над Микулином, очерчивая высокий полукруг, засветилась ракета. Стало быть, там тоже враги. Видимо, подумали, что из Неклюдова стреляют по ним, и тоже забили тревогу. Еще этого не хватало! Нашим-то партизанам предстоит уходить именно в сторону Микулина — в низину, к лесу. А вдруг и оттуда встретят огнем...

Упрямый жеребец все не давался в руки. Когда его огрели палкой, он, всхрапнув, поднялся на дыбы, потом резко рванул в сторону, и одна из оглоблей с треском сломалась...

Делать нечего, сани, видимо, придется оставить. Жаль, ничего из поклажи не унести с собой.

Вот и пошили маскхалаты! Вот и угостили верных людей холодцом! Вот и добыли сведения о противнике! Досада какая!..

Решено: повозку оставить, жеребца гнать домой.

Скроба выхватил финку и перерезал завертку на второй оглобле. Ребята, нахлестывая вожжами, погнали коня в обратный путь. Он попытался было вырваться, пуститься вскачь, но Скроба уверенно держал вожжи. Одна оглобля волочилась по снегу, обломок другой болтался на гуже и чересседельнике, и конь выглядел смешным и странным.

Ребята спешно уходили. Вот спустятся они в низину — и считай спасены. Там начинается лесной массив.

Если немцы и станут преследовать, в лес они все равно не сунутся — побоятся.

Тем временем враги в Неклюдове метались, как муравьи в разворошенном муравейнике. Раздавались зычные выкрики, из проулка, где Скроба наткнулся на часового, открыли бешеную стрельбу. Огонь вели вдоль проулка — значит, вступили в бой с нашей повозкой. Конечно же, она озадачила их: стоит что-то темное, не шевелится и голоса не подает, а ведь отсюда стреляли...

Изрешетили, небось, и тюк парашютного полотна, и ведра с холодцом...

Ничего не скажешь, хорошей отвлекающей мишенью послужила повозка! Ребята знали, что делали. Сломалась оглобля — умей и этим воспользоваться! Они и сейчас, отходя к лесу, время от времени посылают в Неклюдово пулеметную очередь: пусть там думают, что повозка все еще «жива» и ведет огонь...

Вот и лес. Теперь нашим ребятам никакие пули не страшны.

А в Неклюдове заваруха еще только начиналась, и расхлебывать ее пришлось не только той немецкой части, которая расположилась сегодня в Неклюдове, но и той, которая ночевала в Микулине. Дело в том, что стрельба, начатая в Неклюдове, подняла на ноги и немцев в Микулине. Это теперь уже ясно: из Неклюдова строчили и крупнокалиберные пулеметы. В Микулине, не долго раздумывая среди ночи, решили на огонь ответить огнем. Сперва, правда, стреляли редко, вслепую, но когда засекли огневые точки в Неклюдове, начали бить наверняка...

«Вот бы схватились покрепче! — думали сейчас три товарища. — А мы и подсобить можем».

Антон, поводя дулом ручного пулемета, выпустил в сторону Микулина целых полдиска. Тут же заработали автомат Зиннура и карабин Скробы.

Ребята и в самом деле стреляли не зря: из Микулина тотчас последовал ответ. Яростный поток огня обрушился в сторону Неклюдова. Заработали и крупнокалиберные пулеметы, поливая тьму трассирующими пулями. Вскоре послышался такой грохот, будто по мосту с бревенчатым настилом проехало с десятков телег, и тут же оборвался. Это в Микулине ударили из орудий и минометов. Зрительно впечатление было такое, словно в Микулине чиркают спичками, а на спуске в низину, откуда минутой раньше наугад палила из автоматов вражеская погоня из Неклюдова, вспыхивали теперь снопы красного огня и раздавались оглушительные взрывы.

Три друга, забыв про опасность, угрожавшую им, шагали лесной дорогой и с острейшим интересом наблюдали за огненной игрой смерти, которую им удалось таки навязать врагам.

Не слишком долго длилась эта сумасшедшая перестрелка. В двух вражеских частях, видно, спохватились, поняли, что произошло, но было уже поздно: там, где огонь настиг погоню, раздавались крики раненых.

Сразу после прекращения огня Скроба заспешил в отряд сообщить о происшествии. Возможно, командование найдет нужным занять на всякий случай оборону или даже сменить место расположения лагеря.

Зиннур с Антоном вышли обратно на лесную опушку и стали наблюдать за поведением неприятеля. И в Неклюдове и в Микулине то и дело пускали в небо осветительные ракеты. Порой из Неклюдова слышались голоса немецких солдат. Было видно, как они ходили по склону и светили карманными фонариками, уходили и снова возвращались. Должно быть, подбирали убитых и раненых.

К Зиннуру с Антоном Скроба привел из отряда двух связистов и группу автоматчиков, и они все

вместе заняли на опушке леса позицию в качестве передового дозора и оборонительного заслона.

Рассвет тянулся мучительно долго. Ребятам в заслоне хотелось поскорей увидеть своими глазами результаты ночной дуэли между вражескими частями. Антон и Зиннур еще затемно осмотрели склон у леса. Весь он был исхожен немцами, всюду темнели на фоне белого снега воронки от взрывов...

Ребята держали заслон еще два дня и две ночи. Отдельные группы немецких войск из Неклюдова и Микулина не раз ходили друг к другу в расположение. Видимо, выясняли отношения. Их часовые мелькали не только по концам улиц и в проулках, но даже за огородами. Однако прочесывать лес они все-таки не решились. По вечерам, правда, обстреливали окраины леса из пулеметов, били даже из минометов, как бы наглядно показывая, что ожидает партизан, если они подступят к селу. Но лес молчал, и немцы прекращали огонь.

На следующий день после ночной перестрелки за Неклюдовом раздалась короткая дружная автоматная очередь, вражеская часть с почестями хоронила своих солдат и офицеров, убитых в ту кошмарную ночь.

Когда гитлеровцы покинули Неклюдово, колодезный журавль возле хаты тети Марили опять поднял свою бадью над срубом. А в наш отряд стали поступать новости. Самые разные: и радостные и горестные. На неклюдовском кладбище фашисты похоронили восемнадцать человек. Они были убиты хоть и по вине наших ребят, но не нашими пулями... Оказалось, что и в Неклюдове и в Микулине останавливались подразделения немецких войск, которые прибыли с фронта в тыл на отдых, поэтому их появление и оказалось неожиданным для наших связных. Затем немецкие части ушли из этих беспокойных мест в село Сенно. Наверное, надеются там отдохнуть без тревог.

А к горестям относилась потеря повозки с двумя ведрами холодца, превосходных полотнищ для пошива маскировочных халатов на зиму — разве этого мало? Не менее досадна была весть, что наши ребята умудрились ранить тетю Марилю. Оказывается, к ней в хату набилось на постой столько немецких солдат, что повернуться стало негде, и непрошенные гости загнали хозяйку на печку. И вот какая-то шальная пуля пробила стену хаты и угодила тете Мариле в руку! А пуля была не иначе как наша. Стреляли же Зиннур с Антоном в проулок, прикрывая отход Скробы. Правда, и рано-то, говорят, так себе, царапина. Но рана есть рана. Это же смешно и досадно — слышать всякую болтовню насчет того, что нашу верную связную ранило партизанской пулей...

Партизанский врач навестил ее при первой же возможности, осмотрел рану и наложил повязку по всем правилам медицинского искусства.

А для пошива маскхалатов местные жители отдали нам свои береженные простыни и длинные куски холста.

Сделать заказ сельским портнихам приехала та же тройка друзей. Не забыли они прихватить и гостинец в двух ведрах: на этот раз холодец у дяди Вани получился еще вкусней. В отряде пробовали — хвалили, головой качали.

«ВАШЕ — ВАМ!»

Зимний лес. На разлапистых ветвях темных елей толстым слоем белеет слежавшийся снег. На прогалинке среди деревьев с утра кипит работа. Тихая, бесшумная, но очень важная.

Горит небольшой костер. Язычки пламени словно бы пляшут на догорающих поленьях. Возле костра примостились два парня.

Вот один из них — высокий, смуглый, с узким разрезом карих глаз — поднялся, принес охапку мелко наколотых дубовых поленьев. Второй, приземистый синеглазый крепыш, возился с какими-то ящиками. Над огнем, на длинной жерди, подцепив с двух концов проволокой, подвесили они очередной снаряд...

Глядя со стороны, можно было подумать, что они опаливают поросенка. И «туша» внушительная, и даже «сала» натапливается достаточно.

Туша-то она, конечно, туша, да только не поросычья, а стальная, и внутри у нее тaitся огонь, несущий смерть и разрушение.

Еще летом сорок первого, во время ожесточенных боев под Оршей, вражеский шофер — то ли с дороги сбился, то ли выбился из сил — загнал машину со снарядами в лес, на болото. Завяз, а выехать не может. Вдруг выстрел, другой: появились наши. Шофер бросил машину с опасным грузом и бежать... Красноармейцы, оказавшиеся в окружении, сгрузили все снаряды, зарыли в землю, а грузовик подожгли.

Вот теперь партизаны и натапливают «сальце» из этих «поросычьих туш». А дубовые дрова у них напилены, наколоты и просушены так, как того требует эта тонкая и опасная работа. Вот сейчас поленья схватятся небольшим огоньком, язычки пламени начнут облизывать стальное тело снаряда. Капсюль же из его острой конечной головки уже извлечен. Двое друзей из отряда на свой страх и риск вывинчивали эти страшные взрыватели — только задень невзначай хоть кончиком пальца крохотную черную пуговку — разнесет в клочья.

Сейчас они осторожно подогревают головную часть снаряда, чтобы из него потекло нечто густое, вязкое, как растопленный воск. Вот это и есть тол, обладающий мощной взрывной силой, — «нутряное сальце», как называют его два друга. Это и есть та самая смерть, ко-

торой на заводах Круппа начиняли бомбы и снаряды, чтобы выпустить их в нас. А партизаны вот таким образом извлекают из вражеских снарядов эту самую смерть, начиняют ею свои самодельные мины и истребляют ими самих фашистов.

Вытапливать тол — дело чрезвычайно опасное. Оно требует большой осторожности, сметки, чувства меры. Надо знать, в каком положении подвесить снаряд, с какой точки и как начинать подогрев, иначе тол может не растопиться, не потечь, а просто взорваться. Потому такой костер и разводится подальше от партизанских землянок — не меньше, чем за километр. И возле огня, с глазу на глаз с самой костлявой, колдуют лишь двое — Паша и Зиннур.

Огонь еще только забирает, как бы облизывает свежеподложенные поленья. Пламя не сразу разыграется, взовьется под «тушей» снаряда.

Парни молча поглядели друг другу в глаза и подсели поближе к подвешенному снаряду. Паша кончиком языка мельком лизнул верхнюю губу. Это у него привычка такая — в минуту опасности и внутреннего напряжения лизнуть верхнюю губу. Их лишь двое возле костра. И кругом — сказочная тишина зимнего леса. В голове у ребят роятся острые, волнующие мысли, а в глазах их — предельная сосредоточенность.

Они привыкли понимать друг друга с одного взгляда... Но было время, когда один из них глядел на другого, как волк на ягненка.

Впервые они встретились еще в середине лета, в ржаном поле за хутором Взносны. Дни стояли знойные. Вдали, как в дымке, синел лес. Над хлебами трепетало марево. В последней схватке с карателями у Зиннура вдруг отказал ручной пулемет. После боя он разобрал его, прочистил, смазал и собрал заново и потом выбрался в поле — пристрелять свое испытанное оружие.

В лесу, возле своих, стрелять пельзя: еще навлечешь карателей, выдашь место расположения отряда. Вот он и ушел подальше в поле. Тут есть глубокая заросшая лощина — пристреливайся, сколько хочешь, а при случае можно и спрятаться, принять бой. Место укромное и безопасное. А неожиданные выстрелы в поле среди белого дня могут насторожить противника.

Когда Зиннур, хорошо пристрелявшись, выбрался из лощины, в хлебах мелькнула чья-то подозрительная фигура. Показалась и тут же исчезла, точно сквозь землю провалилась. «Кто это такой? Может, меня подстерегал?» — пронеслось у Зиннура в голове. Он весь насторожился и, взяв пулемет наизготовку, дал очередь.

— Выходи, кто здесь есть! Не убегай, если хочешь жить!

Он быстро нашел в хлебах невзрачного с виду, усталого, изможденного парня. Тот, бледный от страха, сидел на корточках и самодельным складным ножичком пытался строгать черемуховую палку — будто всем видом своим говорил: «Гляди, вот он я, весь тут. Ничего больше я и делать не могу...» Сам то взглянет на Зиннура, на его угрожающе суровое лицо, то на его грозное оружие. Он, по-видимому, хотел даже улыбнуться, но улыбки не получилось. Незнакомец вдруг быстро лизнул верхнюю губу и заговорил первым: «Павлом меня зовут, фамилия Осипов... Никуда я не убегаю... Не убивай меня... Я безоружный, вот, гляди...»

Не убегает, сам себе вывернул карманы... Зачем же такого убивать? Зиннур повел его под конвоем в отряд и дорогой думал: «А может его каратели подослали, и он ходит, вынюхивает, где наша база, наши тайные тропы. А если это полицей? Вот ужо разберутся!»

Павлу в первый же день дали в руки два ведра и послали одного к роднику по воду. А когда отряд ушел на ночную операцию, его оставили в палатке также одного вместе с двумя тяжелоранеными партизанами. Павел, наверное, и не подозревал, что два автоматчика неотступно следят за ним, но он не проявил ни малейшей склонности навредить чем-нибудь или убежать.

Оказалось, что Павел был ранен, очутился в фашистском плену и до встречи с Зиннуром раз пять бежал из концлагерей, но его каждый раз ловили. Били, мучили. А поймав в последний раз, когда он уходил из концлагеря в Смоленске, его даже вешали. На ночь глядя вывели их пятерых к шоссе и... выбив табуретку из-под последнего, ушли, гогоча... Павел был единственным, кому удалось на исходе сил перерезать веревку, на которой висел...

В отряде Павел сразу откровенно и подробно рассказал о своих мытарствах, о том, как рвался он в свои родные места под Ленинградом, тоже захваченные фашистами. Там его родная деревня, больная мать, земляки... Он рвался туда, чтобы увидеться со своими и бороться, бороться с врагами. Ему бы только добратся в свои леса, а уж там для него каждый куст знаком, каждая тропка своя. И отец его в гражданскую войну партизанил в родных лесах, уничтожал врагов, громил бандитов. Павел хорошо помнил рассказы отца, и ему живо представлялось, как в тех лесах и сейчас партизаны бьют фашистов в хвост и в гриву... К ним, к ним через тысячу преград стремился Павел.

Но на белорусском поле, среди ржи, заметил его остроглазый, высокий, суровый с виду парень с Волги Зиннур. «Опять полицай... Опять попался я в лапы к душегубам,— в отчаянье подумал тогда Павел.— Ох, теперь, видно, конец мне...»

Эта встреча, так потрясшая Павла в начале, потом обернулась для него великой радостью. Кончились его одинокие мытарства, теперь он с жаром сердца включился в тяжелую и непримиримую борьбу, о которой мечтал...

Да, дело у них с Зиннуром чрезвычайно важное и опасное. Что стоит их звание — народные мстители! Это же здорово! Вроде бы и фронта нет, а война идет! Хитро задуманными способами то там, то здесь устраивают они взрывы в штабах и казармах врага, в складах с боеприпасами, на путях следования механизированных колонн, пускают под откос составы с войсками и вооружением. Паша был рад: он увидел в отряде нечто гораздо большее, чем ожидал. Нет, тут не лезли на врага в открытую, вооружась чем попало. Неуловимые партизаны действовали смело, дерзко, но и с умом!

На кадровой службе Паша был в саперах. Хорошее знание мин и взрывных устройств теперь пришлось как нельзя более кстати. К тому же в отряде оказались ребята, присланные после специального обучения из центра. Они и Павла начали посвящать в многочисленные приемы и методы диверсии в тылу у врага.

Вообще-то ребята в отряде и сами, можно сказать, развивают и углубляют науку мстить и побеждать. Считай, каждый день придумывают новые уловки и хитрые ходы, чтобы наносить фашистам все более чувствительные удары, срывать их боевые планы.

Паше по душе и то, что во всех вылазках, операциях и вообще в каждом деле он всегда рядом с решительным и смекалистым Зиннуром. В отряде их так и зовут — «неразлучными».

◆

Костер разгорался. Вот большие языки пламени дружно, высоко взвихрились, обнимая тело снаряда целиком, и вскоре стали уменьшаться, присмирели. Поленья стали гореть ровно, но жарко. Вот так же на душе у двух друзей: нахлынули волнующие воспоминания, думы и опять улеглись, как бы отступили на задний план.

Носовую часть снаряда вдруг обдало сильным пламенем. Павел тотчас лизнул верхнюю губу, кивнул Зиннуру, чтобы тот отодвинул жарко пылающие поленья, переместил жар под среднюю часть снаряда и прибавил огонь. Сейчас вот-вот потечет воскового цвета жидкость, а уж тут будь начеку: взрыв может произойти от малейшей искры, если она попадет на нее.

Друзья действовали молча, сосредоточенно. Зиннур тотчас отодвинул поленья, унял огонь. Павел стал колдовать над снарядом.

Они торопятся, но дело делают без суетливости, с умом. Это верно говорится про тех, кто имеет дело с взрывчаткой да минами, что они в своем деле ошибаются только раз... Ошибка стоит жизни.

Теперь уже пламени и не надо, вполне хватает и жара от углей. Зиннур ловко регулирует огонь, орудуя обгорелой на конце развилчатой палкой, а у Паши два деревянных черпачка: наполнит один черпак «сальцем» из снарядной «туши» и сливает его в металлический ящик, подставив другой под вязкую струйку, бегущую из «горлышка».

А ящик тоже немецкий. Большой, с ручками. В нем свободно уместились бы две таких снарядных туши, которые «обрабатывали» друзья. Можно защелкнуть крышку и нести. В этот ящик уже влито «сальце» из пяти снарядов, сейчас Паша вливает из последнего, шестого.

Солидный будет зарядец! Тол, вливаемый в ящик, сразу стынет, твердеет, становится как мыло.

Вот ящик уже полон. Вставлен пружинный механизм, сделано гнездышко под капсуль.

Готов дорогой «гостинец». Много же вложено в него напряжения, душевных сил, мастерства! И ненависти к врагам. Предназначен «гостинчик» для сильно потрепанного на фронте немецкого полка, что на днях расположился на отдых в селе Сенно.

Отражаясь на зеркально гладких следах полозьев и окнах деревенских хат, поднялась над лесами полная луна. С неба смотрели на землю яркие звезды. Путникам в спину дул холодный, пронизывающий до костей ветер, а дорога предстояла еще долгая.

В легких санях на охалке соломы ехали двое — Паша и Зиннур. Груз у них был разнообразный, но приметный. Самой тяжелой и самой важной поклажей был, конечно, ящик с взрывчаткой, прикрытый соломой. Были разной величины хлеба — часть их была сложена в мешок, часть лежала на виду, на соломе. Из одного мешка, высунув длинную шею, удивленно крутил головой старый гусак. В отдельном мешке ехала четверка связанных по погам кур.

В упряжи был норовистый вороной жеребец, прихваченный партизанами в Алексеничах.

Зиннур, правивший конем, то и дело нахлестывал его рсменным кнутом.

— Давай жми, черт косматый! — приговаривал он. — Не на прогулку мы выехали с тобой. Уж воспользуемся тобой напоследок. У нас, брат, у татар, говорят: «Доброго коня едешь да хвалишь, а дурного, — вот такого, как ты, — на полпути проклянешь». Ты же, дурень, как

в дорогу, так давай артачиться, а как в деревню какую войдешь, у каждого ворот так и норовишь остановиться. Навадился твой хозяин-пьяница по хатам людей пугать да самогонку глушить стаканами. Позорная у тебя привычка, паразит! Добрый конь в пути костью ляжет, а седока не подведет, а ты, черт косматый, и в прошлый раз под самым огнем заупряился... Иной раз лучше топать на своих двоих, чем полагаться на тебя. Ну, давай, хоть в Сенно доставь поживей! Хоть одно доброе дело сделаешь. А ну! — опять повысил голос Зиннур, и ременный кнут со свистом вытянулся вдоль хребтины жеребца.

Кнут все-таки делал свое дело: этот рослый избалованный жеребчина, не знавший, что значит хорошо потрудиться, бежал, как на сабантуе. От него шла испарина, с губ ошметками срывались клочья пены.

Поклажу в санях и самих седоков осыпало мелкой снежной пылью. Резко скрипел и повизгивал под полозьями скованный морозом снег, да в притихших хуторах взлаивали дворовые псы на быстро проносящихся ездоков...

За четыре часа прибыли они к назначенному пункту. Была еще только полночь.

Когда до Сенно оставалось всего с полкилометра, они выехали на высокий холм и сошли с саней. Вокруг расстилались заснеженные поля, вдаль темнел лес. Спокойно. Среди снегов густыми пятнами темнеют дома широко раскинувшегося села. Слабо светятся редкие огоньки, изредка взлетают над окраинами села осветительные ракеты.

До прихода немцев здесь был районный центр, работало много организаций и учреждений. А теперь орудуют вражеская военная комендатура, жандармерия, тут же живет фашистский ставленник — бурго-

мистр. В этом селе теперь и расположился на отдых полк недобитых головорезов, прибывших с фронта.

Ветер крепчал. Резкий, леденящий, сгоняя снежок, он дул в сторону Сенно. Зиннуру подумалось, что этот февральский ветер несет к врагам их жгучую партизанскую ненависть.

— Ну, господа непрошеные! В прошлый раз вы изволили полакомиться холодцом нашей кухни. Тем, что остался в санях. А на этот раз мы приготовили вам что-то повкусней...

Два друга некоторое время внимательно наблюдали за селом. Гарнизон спал. Ракеты, по всей видимости, пускали часовые. Но ни двух парней на холму, ни жеребца в упряжи они, конечно, не видели и ничего особенного не подозревают. Стало быть, никакой преждевременной тревоги они не поднимают.

Друзья переглянулись многозначительно, подошли к повозке.

— Получайте, дуцегубы! Ваше — вам! — гневно процедил Павел.

Зиннур из всех сил стегнул полицейского жеребца кнутом, Павел поддал вожжами, и конь, и без того нетерпеливо перебиравший ногами, вдруг остервенело поднялся на дыбы, дико всхрапнул и с маху понес, понес сани со всей поклажей прямо в село...

Для Павла с Зиннуром это уже можно было считать одновременно и началом и концом сегодняшней операции — теперь все остальное должно произойти само собой. А им самим надо скорей отходить и как можно дальше! Хотя бы километра за четыре, в лес, и укрыться. Как знать, а может, «они» опомнятся, смекнут, в чем дело, вышлют погоню...

Убегали — упарились не хуже вороного жеребца. Села уже не видать, оно осталось за холмом. Два друга останавливаются, прислушиваются и снова бегут...

А в мыслях у них так и рисуется картина, что сейчас произойдет в селе...

Большой косматый конь, весь в мыле, с глазами навывкате, бешено мчался прямо в село. В упряжи, не останавливаясь, влетел на улицу. Он был разгорячен и страшен.

Раздались строгие окрики. Немецкие часовые требовали остановиться, сказать пароль...

Но увы, конь не умел отвечать на подобные вопросы. Враги не понимали, что происходит. Они выпустили в небо сигнальную ракету, подняли тревогу, застрочили из автоматов и пулеметов: опасались, что в санях могут быть хитрые на выдумку партизаны...

Зиннур с Пашей догадывались, что в селе сейчас начался переполох. Услышав стрельбу, они и сами послали в сторону всполошившихся фашистов несколько длинных очередей. Пальба в селе усилилась, и вдруг сквозь треск выстрелов прозвучало отчаянное, пронзительное конское ржание и тут же осеклось. Видать, ранили жеребца, поддыхает косматый.

Теперь тамошней возни уже не расслышать — далеко. О чем они там сейчас толкуют? Что прикончили партизан целую подводу?.. Пусть говорят, что хотят, лишь бы скорей подошли к саням. У них ведь, у грабителей, аппетит на «трофеи» велик. А на партизанское добро — тем более. И в прошлый раз, под Неклюдовом, к повозке с холодцом сбежался чуть ли не целый взвод. Первым, конечно, был старший офицер. Потом и в газете писали, мол, захватили восемь советских парашютистов с вооружением, радиостанцией и месячным довольствием. А в санях всего-то было два ведра холодца да тюк парашютного шелка. Что делать бедным, надо же поддерживать репутацию «победителей»...

Пусть так же случится и сейчас! Пусть набросятся на «трофеи», пусть вместе с офицерами, да чтобы все!..

Двум партизанам-смельчакам так хотелось увидеть собственными глазами, что сейчас происходит возле их повозки! Вот поднятые по тревоге вояки с любопытством окружают дохлого жеребца, гогочут: «Гут, гут, капут...» Нацеливая карманные фонарики, разглядывают, что есть в саях. Может, пожалеют, что в них не оказалось ни одного партизанского трупа, но тут же перестанут на это досадовать. Вот он, длинношей гусак, крутя головой, закрывает глаза от ослепительного света фонарей. Может, кто-то щелкнет его пальцем по желтому клюву, предвкушая удовольствие отведать душистого бульончика. Переберут и хлебы, развяжут мешок с курами: «Одна курка, две, три, четыре... гут, гут!.. Вот какой лакомый кусок отбили мы у партизан...»

Дойдет очередь до ящика. «А здесь что? Сало, масло? А может патроны?..» Любопытство будет разгораться, все захотят увидеть «трофей» поближе. Несколько фонариков сразу осветят ящик. Кто-то дотронется до крышки. Лишь откинется защелка и крышку ящика отшвырнет пружиной в сторону, сработает детонатор и...

Друзья не ошиблись. Там, где светили карманные фонарики, молнией озарив на миг все вокруг, вскинулась в небо огромная вспышка огня и громыхнул взрыв.

Зиннур с Пашей, усталые и запыхавшиеся, услышав этот взрыв, пришли в восторг: операция удалась! Возле повозки не могло не быть гитлеровцев. Нет, недаром же долгими часами, на волоске от смерти, колдовали они у костра над вражескими снарядами! И этот быстрый отход, и взволнованные догадки — все оправдалось!

Через день от связных мы узнали, что, «отведав»

нашего ночного «угощения» в Сенно, отправились на тот свет к праотцам господин начальник волостной жандармерии и господин бургомистр и еще несколько господ из солдат и полицаев, а кое-кто был слегка помят-покалечен... Приятная молва об этом быстро разошлась по всей округе.

Гитлеровцы и сами не смогли умолчать об этих потерях. В особой листовке, которую потом расклеивали во всех деревнях и хуторах, немецкое начальство плакалось, мол, партизаны воюют нечестно, лишь хитростью да обманом, а мирному населению за всякую связь с партизанами грозило самой жестокой расправой.

— Ладно, пускай грозятся! — сказал Паша. — Никуда они от нас не денутся. На эту удочку теперь-то они, может, и не клюнут. Но мы преподнесем им что-нибудь новенькое, неиспробованное.

И в самом деле, ребята в отряде придумывали все новые и новые хитрости и уловки, чтобы у ненавистных захватчиков земля горела под ногами.

Своими боевыми делами советские партизаны как бы отвечали врагам: «Вы насылаете на нас смерть, вот сами и получайте ее. Ваше — вам!»

ЦВЕТЫ В ГОРШКЕ

В проходную маслозавода впопыхах вбежала раскрасневшаяся девушка. В руке она несла не в меру тяжелый подойник.

— Ой, кажется, успела!..

Спешила она сюда так, словно догоняла свою длинную тень: за спиной далекое закатное солнце уже коснулось темнеющего горизонта.

На полпути попались ей навстречу односельчанки—они уже успели сдать свое молоко и шли домой с пустыми ведрами.

— Бабы, глянь-ка! Никак наша Маланьюшка двух коров почала доить для немчуры,—со смешком подколокнула девушку полная Явдоха.

— Не троньте ее, бабоньки, может, она и припоздала-то нарочно,—хихикнула сухопарая Марыська.—Разве нельзя ей с полицаем свиданьице устроить?..

— Тогда уж лучше с самим немцем!

— А вот и не угадали! — озорно отозвалась Маланья.— Птичьего молока хотела я для них раздобыть, вот и задержалась...— И вдруг голос ее переменялся:— Все налоги да налоги... Какие только не выдумывают на нашу голову, проклятые! Вот только птичьего молока не догадались потребовать... Ничего, получают...

Девушка оглянулась на красный закат и зашагала еще быстрее. Ведро у нее было сегодня и больше и тяжелей — больно оттягивало плечи. Маланья на ходу меняла руки, от тяжести клонилась в сторону, но не останавливалась ни на секунду, босые загорелые ноги ее были сильны и быстры.

Привычные пять километров от деревни до волостного управления сегодня она прошла скорей, чем обычно.

— Опосталь, красафиц! — встретил ее окриком постовой немец на окраине гарнизонного села.— Шнель, шнель!

И девушка спешила, хотя опаздывала ровно на столько, на сколько было нужно...

Ни у входа, ни в самом помещении завода из молоконшей никого уже не было. Приемщик, видать, уже ушел, вот расходятся и сепараторщицы, маслобойщицы. Высятся штабель ящиков с маслом, пестрящих черными пятнами каких-то пометок, вдоль стены составлены в ряд бидоны, полные свежей сметаны.

В помещении уже было сумрачно, тихо. Лишь раскрасневшаяся тетя Фрося, шаркая мокрыми тряпками, мыла полы. Вот и она скоро закончит уборку. А там заступят на пост немецкие солдаты — тогда уж ни зайти, ни выйти, даже близко не подступишься.

На этот маслозавод сдавало молоко население четырех бывших сельсоветов, и гарнизон здесь фашисты держали внушительный. Каждую смену ночной охраны завода несли по двое, а то и по трое солдат.

Девушка поставила подойник на пол и, вытирая потное лицо краем полотняного передника, запричитала с стечанием в голосе:

— Ой, неужели опоздала?! Уж как бежала, торопилась-то! Не пришла корова из стада, проклятушая! Насилу разыскала... Аж в балке в Залесье... И молока то скопилось за два дня. Несла — руки оттянуло, ноют, терпенья нет. Убей меня — обратно не унести... Ой, господи, как же теперь быть-то?

Уборщица подняла глаза на эту сильную, красивую девушку, невольно проникаясь сочувствием. Но она ничем не могла помочь ей.

— Не успела, милая... Принять-то некому. У них, у немцев, рабочее время на секунду поставлено, — проговорила она.

Девушка с мольбой взглянула на уборщицу.

— Тетя Фрося, оставлю я это ведро здесь? Завтра и утренний надой принесу, заодно и сдам.

Уборщица нерешительно потопталась на месте и махнула рукой.

— Ладно, оставь. Есть не просит... Только убери в сторону.

Девушка тотчас затащила свою ношу в проход между рядами ящиков с маслом и, горячо поблагодарив уборщицу, бросилась к выходу.

— До свиданья, миленькая тетя Фрося! — бросила она в радостном волнении, уже выбегая за дверь. — Спасибо вам большое... Я приду, миленькая, приду...

Бежала Маланья домой — ноги земли не касались. Будто крылья за плечами выросли...

Настал вечер. Стемнело. В крайней маленькой, крытой соломой хатке засветился слабый огонек. То ли лучинку зажгли, то ли фитилек, опущенный одним концом в жестяную банку с нутряным салом. Теперь во всех хатах так.

С тех пор, как нагрянули фашисты, керосина по всем селениям и в помине нет. Перед войной колхоз было построил электростанцию, так немцы ее разобрали и все металлические части погрузили и куда-то увезли, должно быть, на переплавку. Они же все к себе вывозят, что только могут...

Этот крохотный огонек в хатке засветила Маланья.

Мать ворочалась на своей постели: недужится ей. Вот опять слегла. Прошлой зимой гитлеровцы погнали женщин на лесоповал, там и надорвалась на тяжелой работе. Уже полгода мается — ни лечения, ни помощи...

Маланья поднесла матери молока в кружке, поправила одеяло и наскоро перекусила возле коптилки.

Какое-то тревожное и радостное ожидание не давало ей покоя: сама дома, глаза — за окнами, а душой — и вовсе где-то возле маслозавода. Она то и дело поглядывала в окно, чего-то ждала. Вот она наклонилась к свету и посмотрелась в осколок зеркала: брови дрогнули, в больших голубых глазах взволнованность.

Маланья выбежала на улицу.

Было темно, тревожно. Хотя бы одно окошко светилось! В небе холодно мерцают звезды. Вот на дальней окраине коротко пролаяла дворняжка, и снова тишина. Где они теперь, те радостные, веселые вечера, когда на улице горело электричество, раздавались шутки-при-

баутки, смех. И не было такого вечера, чтоб не пели, не плясали. Когда же придет конец этому кошмару?..

Ладно еще есть дядя Петрак. Одна нога у него деревянная, немцы на рабству его погнать не могут. И он — единственный в деревне мужчина и к тому же скрипач — иногда разгоняет девушкам тоску-печаль.

Сегодня суббота. Он, поди, уже сидит на своем чурбане и, склонив седую голову набок, тихонько водит смычком по струнам.

Маланья пошла прямо к дяде Петраку. Девушки, прижавшись друг к другу, тихо, вполголоса пели «Катюшу». Где же сейчас их хлопцы? По каким фронтам их раскидало? В каких окопах прикорнули?.. Песня далеко уводила девичьи думы. Враг сдавил горло, запретил песни. В негромких напевах слишком много стало затаенной боли, горечи. Но песня все равно живет, и любви в сердцах все равно врагам не истребить... Обычно мягкий, нежный голос Маланьи сегодня звучал бойчее, задорнее. Она почему-то не могла спокойно стоять на месте: то прильнет, прижмется к подружке, то начнет кружиться, притопывать, а то вдруг выбежит во двор, вглядывается куда-то во тьму...

Скрипка играла песню за песней, и девушки пели.

Маланья первой заметила, как над волостным селом вдруг вскинулось, запылало зарево пожара, и в глазах ее вспыхнули веселые искорки. Она захлопала в ладоши и пустилась в пляс под «Лявонику».

— Девушки, станцуем! Чего приуныли? — тормошила она своих подруг.

Кончик смычка веселей замелькал возле виска дяди Петрака, девушки парами, бойко притопывая, стали танцевать кадрили, и проворней всех, легкой бабочкой носится она, Маланья. Глянет в окно и молча улыбнется, глянет и улыбнется... «Еще, еще!» — настаивает она, увлекая подруг...

На улице девушки постояли плотной гурьбой, насто-
роженно глядя на пожар.

— Господи, что же они там жгут-то? — сказала Ма-
ланья со вздохом. — Ей-богу, это же в Рясно... Как бы
нас не спалили.

Притихшие девушки быстро разошлись, пожелав друг
другу спокойной ночи.

Маланье было не до сна. Она забежала домой, чтобы
проведать мать, а потом вышла огородам к околице.

Темной стеной стоял лес, близко подступавший к
селу. Тихо, свежо. Лишь слышно, как звонко щелкает
в кустах соловей да гулко стучит сердце. Жадно вгля-
дывалась Маланья в кусты, выжидая, когда застучит
ее «Дятел». Пора же, пора...

Наконец, отчетливо послышался легкий стук. Один...
два... три... Пять отрывистых ударов... Это он бил
ручкой складного ножа по стволу березы.

Они встретились.

Под березой, глядя друг другу в глаза, стояли Ма-
ланья и высокий парень.

Горячо сплелись руки, сердца бились рядом.

— Поздравляю тебя, Маланья.

— А я — тебя, Зиннур.

— Здорово подойник сработал. Знаешь, взорвался
ровно в одиннадцать, пламя потом перекинулось на пер-
вый склад, на второй, на волостное управление... Сви-
ми глазами видел. С вечера к маслозаводу подъехали
два порожних грузовика, на ночь их там и оставили.
Теперь, считай, их тоже нет... А сегодня я тебе принес
горшок с цветами. Погоди-ка... Вот он.

Маланья поняла Зиннура с полуслова. Будет новое
дело...

Может быть, автомат какого-то гитлеровца был за-
ряжен пулями, которые должны оборвать жизнь этих
двух молодых людей... А они под высокой березой, слы-

ша жаркое дыхание друг друга, делятся своими сокровенными тайнами, мечтами.

Не заглушить родник глыбой камня, туче не загасить солнца, врагам не иссушить любовь в сердцах.

Уносились ли они сейчас мечтой в будущее, к светлому дню Победы, когда они — счастливые, рядом! — сядут за праздничный стол, или вспоминали те страшные дни, что соединили их судьбы?

...Зиннур служил на западной границе. Их полк в первый же день войны попал под жестокий артиллерийский огонь. Много полегло товарищей. Отступали с боями. Под бомбежкой его ранило, он потерял сознание.

Кто первым увидел его в лесу, кто темной ночью, взвалив на тележку, вез тайком в деревушку, кто затащил его на сеновал, обмыл ему рану, давал воды по глоточку, кто вернул ему жизнь — он не видел, не чувствовал...

Первое, что он увидел, придя в себя, были глаза. Большие, ясные, голубые. Они глянули радостно и в его обессилившее тело словно бы вдохнули жизнь. С трудом приподнял он голову, услышал нежный голос:

— Знаешь, ты уже поправляешься! Только крови много потерял. Теперь будешь жить!.. Двое суток наши оборону держали. Немцы лес бомбили — у нас в деревне все окна вылетели... Если бы не танки ихние, они бы не прошли... А ты кто? Артиллерист, пехотинец?.. А немцы у нас в деревне уже два раза были. Кур по дворам стреляли. А в нашем лесу малины много. Я и тебе нарвала. Вот попробуй. Знаешь, какая вкусная! А там и танки есть. Подбитые... А знаешь, кто я? Ма-ла-нья. А ты?.. Вот поправишься и расскажешь о себе все-все, ладно? Ты скоро поправишься. Я тебя сама выхожу!..

«Я тебя сама выхожу...» До чего добрые, целительные слова!..

Зиннур поправлялся. Каждый час его подстерегала опасность, каждый день мог стоять жизни... Нельзя вспомнить без содрогания.

Это была небольшая белорусская деревня. С двух сторон обступили ее леса, а с третьей были кочкарник, болото. Дома стоят вразброс и будто прячутся в кустах... И деревня, и окрестности с первого же взгляда запали Зиннуру в душу, стали дороги, как деревни и лесные места в родном Поволжье.

Три месяца скрывался он в крайней хате этой деревушки. Легко сказать три месяца, легко сказать — скрывался. Разве мало было случаев, когда он лежал в темноте, боясь даже дышать. Лежал в нише, вырытой в подполье. Всякий раз, услышав, что идут немцы, его буквально впихивали в эту нишу и прикрывали доской, а доску подпирали бочкой из-под соленой капусты. А для доступа воздуха пробили отверстие сквозь фундамент в сторону скотного сарая — дыши себе на здоровье, но чтобы ни звука. В общем-то убежище было вполне сносное. Однажды немцы ввалились в хату, искали, где яйца да масло припрятаны, открыли лаз в подпол, светили фонарем, но им и в голову не пришло, что за доской, припертой пустой бочкой, могло быть что-либо подозрительное. А одну ночь они даже ночевали в этой хате. Некоторые стояли и ходили над самым Зиннуром. А он лежал и терпел, стиснув зубы. Одного ему тогда хотелось — перетерпеть, выжить, мстить...

Вот он и мстит.

Уже второй год, как он в отряде. Признан одним из самых дерзких, находчивых разведчиков. И прозвище ему дали достойное: «Бух-бух».

Маланья свела его с людьми из отряда Константина Заслонова, когда партизанский командир еще работал в Оршанском депо. Сама же стала его связным, верной помощницей. Про них так и говорили: «Он выпекает,

она угощает...» Зиннур с его друзьями у себя в отряде делают «гостинцы» для фашистов, а такие, как Маланья, «преподносят» эти «блюда» врагам.

Недавно одному полицаяу на свадебный пир Маланья поднесла настоящий пирог с начинкой. Пришла к своей тетке в Рясно на посиделки, а там говорят: будет свадьба... Отец с матерью силой выдавали за полицая свою дочь, подружку Маланьи по школе. Та плакала в отчаянье: «Бросят меня, как собаке кость! Разве это жизнь будет...»

Могла ли Маланья остаться равнодушной? Надо спасти подружку! Пошла она в Рясно во второй раз, встретилась с невестой на вечеринке и обо всем договори-лась.

Невеста пригласила на свою свадьбу и Маланью. Та явилась с ясной улыбкой, с хлебом-солью: принесла свадебный пирог с «начинкой».

Столы ломились от щедрых угощений, целый день пили, ели, плясали, веселились. Разошлись уже ночью, а утром слышат: «Зятек долго жить приказал — с пьяных глаз подорвался в постели на своей же гранате...»

Все поверили этому, никто не подумал, что причина кроется в чем-то другом. А в самом-то деле взорвался «свадебный пирог», поднесенный Маланьей. Он был припрятан до поры до времени... Счастливый жених уже возлежал на брачном ложе, когда невеста, пододвинув столик с Маланьиным пирогом и со всеми свадебными подарками поближе к кровати, выскользнула в соседнюю комнату будто бы переодеться. Она при этом, конечно, цепко держала в памяти срок, названный Маланьей... Проходят считанные минуты, и вдруг раздается долгожданный взрыв, уничтожая и подарки, и самого виновника торжества.

Эта ночь оказалась счастливой не только для невесты, но и для Зиннура с Маланьей: успешно выдержала

испытание новая мина, изготовленная «Бух-бухом», из серии «гостинец», «подарочек», «сюрприз»...

Мина в подойнике, сработавшая на маслозаводе, тоже была самодельной, но, помимо взрывной мощи, отличалась от «свадебной» тем, что в «пирог» был установлен взрыватель с часовым механизмом: партия таких взрывателей была прислана самолетом с Большой земли, а «подойник» до последней детали был изготовлен вручную. «Свадебная», с часовым механизмом, конечно, была надежней и точней: взрыв последовал точно в свой срок. Но запас таких взрывателей иссяк, а дожидаться, сложа руки, пока пришлют еще партию, — да разве это мыслимо! Вот ребята и принялись изобретать...

Но как же вовремя получить вспышку? Пришла на помощь давно пройденная школьная химия.

И получилось! У хуторянок выпросили куски береженого еще с довоенной поры сахара, врачи помогли химикатами, и в один прекрасный день в самодельную мину вложили коробочку с белым порошком и пузырек с серной кислотой. Мину положили в подойник и залили молоком. Как только кислота просочится по тряпичному шнуру и дойдет до порошка, мина взорвется. Можно даже примерно регулировать и срок: шнур покороче — взрыв быстрее, шнур подлинней — взрыв позже... как на маслозаводе.

Вон какие цветы Зиннур принес сегодня Маланье. Земля в горшке добрая, корни, видать, глубоко пушены.

Далеко на востоке едва заметно засветлело над горизонтом небо. Парень с девушкой оба враз посмотрели на цветы в горшке. В темноте они кажутся темными. А вообще-то бутоны у них ярко-алые, листочки сочные, зеленые, с блеском. Украшение жизни, украшение любви — и они скоро пойдут на месть и на гибель.

Сперва покрасуются на чьем-то столе или на подоконнике...

Поглядеть любо!

А когда партизаны прикажут им вспыхнуть взрывным огнем — то будет еще краше...

Зиннур с Маланьей молча обнялись и бесшумно разошлись в разные стороны: она — домой, он — в отряд.

И МЕРТВЫЕ МСТИЛИ

Могилу мы вырыли недалеко от дороги, там, где начинается лесная просека.

Это спешное дело длилось недолго, всего каких-нибудь полчаса с того момента, как мы прекратили стрельбу. Местное население не видело, какую мы провели операцию: люди, едва услышав про карателей, все бросились из родных хат кто куда. Поэтому, когда мы заглянули в деревню попросить лопат и досок, уже никого не застали.

Мы, конечно, торопились успеть вовремя выскользнуть из зоны опасности, и все-таки обряд захоронения исполнили по всем правилам. Дали прощальный залп, холм сырой земли покрыли зеленым дерном, и на свежей могиле заколыхались на ветру полевые цветы. А на серединке холма насыпали ведро белого песка, разровняли его в виде кружочка величиной с ведерное дно, и Ванюта, аккуратно втыкая стреляные гильзы, изобразил пятиконечную звезду. В изголовье могилы установили столбик с красной звездой и, намешав сажи на ружейном масле, сделали на щитке крупную надпись:

«Здесь похоронен отважный партизанский командир. Склоните над ним голову. Смерть немецко-фашистским оккупантам!»

Вот так летним ранним утром появилась еще одна свежая могила. Она бросалась в глаза издали, внушая чувство преклонения перед партизанской доблестью. И склонялись к могиле белые ромашки, огненно-желтые лютики. Величавые дубы, стройные березки в зеленом притихшем лесу как бы встали в почетный караул.

Сам по себе лес этот не велик. Со стороны он напоминает темно-зеленую тюбетейку, надетую щедрой рукой природы на высоту, что между селами Пацково и Рясно. А всйдешь в него — и у тебя появляется ощущение, будто ты попал в зеленое царство, которому нет ни конца, ни края. Листва на дубах и липах густая, нижние ветви деревьев касаются земли.

Вот отсюда мы и просматривали широкую дорогу, что вилась вдоль лесной опушки. За дорогой расстилось ровное поле. Под утро выпала обильная роса, а на заре здесь, видимо, прогнали стадо: пыль на дороге была взбита множеством копыт.

Именно здесь, прямым путем на Рясно, и должны проехать полицаи из села Сенно. Туда же, в Рясно, на соединение с ними должна прибыть и другая команда полицаев из Толочина.

Нашим разведчикам удалось заранее, и притом до мелочей, выяснить планы противника. Впрочем, в эти «мелочи» входила и такая деталь: враги условились, что первыми съедутся в Рясно полицаи двух разных групп, и лишь через день, — если только продвижение окажется безопасным, — следом за ними выступят немецкие части тех же двух гарнизонов. Что ни говорите, а фашисты все же не дураки. Зачем им первыми соваться под огонь, когда у них есть продажные шкуры — полицаи! Впрочем, иудам так и надо!..

Мы понимали смысл такой переброски вражеских сил. Оккупанты давно готовились к «очистке» от пар-

тизан большой территории в треугольнике Орша — Лепель — Витебск.

Дело в том, что уже целых полгода значительная часть «треугольника» находилась в руках партизан. В селения, некогда занятые гитлеровцами, вернулась родная Советская власть, там развевалось красное знамя. Партизанские отряды зимовали в деревнях и хуторах, контролировали все пути сообщения, с успехом совершали дальние рейды по тылам захватчиков. Немецкие гарнизоны держались лишь в районных центрах, и то изолированно друг от друга. Действия их были парализованы: живая связь между ними была пресечена, телефонные и телеграфные провода оборваны, мосты разобраны, дороги перекрыты и заминированы. Одно им оставалось — держать связь по радию. Налогов с населения оккупанты собирать не могли. Под предлогом — партизаны не пускают — люди не показывались в административных центрах, а выезжать в деревни и хутора гарнизонные кроты не рисковали — боялись вездесущих партизан. В Чашниках дело дошло до того, что продукты питания и боеприпасы для гарнизона спускались с самолетов на парашютах, да и те частенько попадали в наши руки.

Вот с наступлением лета враг и начал широкие карательные операции, чтобы очистить свой глубокий тыл от партизан.

То ли с фронта были сняты войска, то ли присланы свежие силы из Германии, — в местные гарнизоны набилось много немецких воинских частей. Они начали боевые действия против мирных хуторов и деревень. Действовали обычно так: сперва с самолетов бомбили леса и кустарники вдоль дорог, потом артиллерия густо поливала эти опасные места шрапнелью. В селения они тоже вступали лишь после таких же мер «профилактики». Продвигаясь из одного населенного пункта в

другой, они гнали перед собой беззащитную толпу мирных жителей,— это чтобы на минах, если они окажутся в полотне дороги, подрывались советские люди... Таков был приказ командующего дивизией СС генерал-лейтенанта Рихерта, специально назначенного для наведения «порядка» в зоне «треугольника». Были случаи, когда под дулом автоматов заставляли стариков и женщин прочесывать полотнище грунтовой дороги железными граблями, чтобы не осталось ни одной случайной мины.

Уже дней десять, как гитлеровцы с помощью их подлых прислужников полицаев развернули свои действия в самых широких масштабах. В села и деревни вновь нагрянули обозленные полицаи. Они выгоняли женщин и подростков на ремонт мостов, дорог, восстанавливали связь — старались обеспечить себе свободу передвижений и действовали против партизан, объединившись с соседними гарнизонами.

Полицаи из Сенно и Толочина именно для такого объединения сил и шли с двух разных сторон в Рясно.

Мы залегли на опушке леса на склоне высоты и приготовились встретить «с почестями» полицаев из гарнизона Сенно. А тех, что двигались из Толочина, поджидала вторая группа наших ребят в Чеченевском лесу. Было решено сорвать встречу полицаев в Рясно.

Над лесами и полями вставало солнце. Вдоль дороги, почти рядом с нами, зияли свежие воронки от снарядов и мин. За дорогой расстилалось поле, пестрящее лоскутками посевов. После роспуска колхозов все поле размежевано на мелкие клочки. Это подушные участки, заросшие сорняками. Кто как мог, так и обработал свой клин, посеял... Жалкое поле!

Напряженно всматривались мы в сторону Комарово, и вдруг показалось, будто на дороге что-то едва заметно поблескивает. Вскоре уже можно было различить

вереницу серых фигур. С дороги поднималась легкая пыль.

В степи, говорят, только подумай про волка — волк и появится. Так и здесь: мы думаем, как получше встретить полицаев, а они уже и являются! Конечно же, это были полицаи из Сеннинского гарнизона. Катят на велосипедах. Их, пожалуй, не меньше десяти. Передовой отряд, разведка. Остальные последуют позже.

Вот со стороны Комарова опять ударили из минометов. Мы опять лнем к земле. Опять взрывы, опять со свистом проносятся над головой осколки, с деревьев сыплется кора.

Мы затаились.

Чем ближе полицаи, тем отчетливей металлический блеск их велосипедов, автоматов. Едут след в след, спешат, нажимают на педали.

Вот они поравнялись с нами, и тут-то мы дали залп. Каждый в «своего» по порядковому счету.

Ни один не ушел. Все скovyрнулись — одни раньше, другие чуть позже...

— Вот так-то! Ветер не всегда бывает попутный...

Это сказал наш «Сухопутный моряк» Идрис в адрес полицаев, лежавших на дороге.

Село Комарово расположено в низине у реки, поэтому тамошние полицаи не могли видеть, что произошло здесь, на дороге. К тому же где-то в стороне Чечневского леса тоже прогремели дружные выстрелы. Словом, пока в Комарове спохватятся, пройдет еще не мало времени.

А мы тем часом выбежали на дорогу, поснимали с полицаев автоматы, отвели в лес велосипеды и успели вырыть могилу, исполнить обряд захоронения — и столбик со звездой и надписью, и звезда из гильз в белом круге — все как положено...

В благодатную «почву» угодили наши пули: мы сняли хороший «урожай» — по два автомата на брата и по два велосипеда. Только «Моряку» Идрису досталось по три того и другого.

— Дорогу! Кавалерия на колесах! — озорно крикнул он, обгоняя нас, и первым влетел в лес на трофейном велосипеде.

Мы и прежде догадывались, что наш «Сухопутный моряк» переживал, что не может нам показать свое искусство в морском бою. А был он парень плотного сложения, быстрый, подвижный, хитрый на всякую выдумку. На флоте служил мотористом, водил на Балтике горпедные катера. И вообще был равнодушен к технике. А тут вдруг велосипеды! Он им страшно обрадовался. Хоть и приводишь в действие собственными силами, а все равно — техника. Вот подвалила удача! Как знать, может, еще и флотом разживемся. Разъезжают же партизаны Ковпака по Днестру на пароходах...

Впрочем, сегодняшние яички, как говорится, лучше завтрашних курочек. А сегодняшней удачей мы все-таки были довольны. Встреча полицаев в Рясно пока сорвана. Повернуть обратно, разойтись по своим гарнизонам они теперь уже не могли. Приказ есть приказ, его надо исполнять. К тому же завтра должны выступать и сами немцы. А продвигаться вперед опасно...

Теперь полицаям предстояло начинать все заново: выбрать новый маршрут, обстрелять его, обезопасить, послать разведку...

Ну что ж! Пусть теперь поступают, как хотят. Нам не жарко, не холодно. Покажутся — подкинем им из засады «огонька», начнут обстреливать — подыдемся и уйдем.

На время «чистки» зоны «треугольника» гитлеровцами до всех наших отрядов был доведен приказ Констан-

тина Заслонова — временно отойти в леса, в долину реки Березины. В подобной ситуации вступать в открытый бой не приходится — разве только при прорыве из окружения. Самое лучшее — это бесшумно и вовремя вывести из-под огня живую силу и снаряжение.

Большинство отрядов уже отошли, нанося противнику неожиданные удары и бесследно исчезая. Лишь отдельные группы оставались позади основных сил, чтобы прикрывать отступление, собирать сведения о противнике, наводить карателей на ложные следы и всячески путать им карты.

В числе таких групп была и наша.

Когда по лесу вдоль дороги опять открыли ожесточенный артиллерийско-минометный огонь, нам пришлось быстренько покинуть знакомые места, пока мы не понесли ощутимый урон. А уж на Березине мы сами начнем задавать им перцу. Наш «Сухопутный моряк» прав, когда он подшучивает, мол, лучше потерять мачту, но сохранить корабль, чем потерять корабль целиком...

Ушли мы бесшумно, тщательно заматавая следы. В начале лесной просеки у большака оставили свежую могилу, а на дороге остались лежать трупы двенадцати полицейев. Еще рано гадать, кто что потеряет в ходе этой «чистки» в «треугольнике» и кто что найдет...

Все было впереди.

Правда, потом, когда эсэсовские части, проведя с помощью усердных полицейев «чистку» территории, ушли обратно на фронт и в «треугольнике» снова остались лишь местные гарнизоны, а наш отряд обратно перебазировался в свой прежний район действий, нам интересно было услышать от местных жителей кое-что о наших же проделках.

Пастухи из Рясно — пожилой безрукий мужчина с черной окладистой бородой и шустрый остроглазый

мальчуган — возбужденно, перебивая друг друга, нам рассказывали:

— Вывели мы однажды стадо за Березовый колок, глядим, из Комарова выползает бронемашина...

— Да нет, это уже на другой день было... Сперва-то они на велосипедах! Торопятся — ровно в гости прутся. Аж пыль стелется.

— Как на пожар...

— Только стали проезжать мимо леса, вдруг один валится с самокатом, другой летит... Мы залегли, все видеть, как на ладони...

— Один летит кувырком, другой через него кубарем... Велосипед в одну сторону, ездок — в другую... Из лесу-то наши бьют, щелкают метко...

— Да-а. Вот это дали гадам прикурить! Ни один не ушел. А мы-то рады! Ну, говорим, молодцы наши партизаны! Сколько они самокатов в лес увезли, сколько автоматов забрали — не перечсть! А бронемашина, она уж на другой день появилась...

— Она же шла впереди... А за ней два танка да еще несколько машин с пушками на прицепе... Тьма!

— Подъехали поближе и ну садить по лесу прямой наводкой. Земля дрожит.

— А наших там уже и не было — это наверняка.

— Прямо канонада гремела. В лесу, поди, живого комара не осталось. Потом сели да поехали дальше в Рясно.

— А потом-то одна группа обратно приехала. Полиции с эсэсовцами. Велосипедистов хоронить. Полиции рыли могилу, потом давали залп, — все как обычно, но вот что здорово! В тот же день им пришлось там же устроить вторые похороны. Тут же, почти сразу. Закопали, значит, полицаев, потом, видать, из любопытства, сошлись всей кучей возле той могилы со звездой, где партизаны похоронили своего командира.

— На ней еще звезда была из гильз...

— И тут же ка-а-ак ухнет взрыв! Уж на что расстояние, я и то испугался: думал, оглох. Гляжу, а этих эсэсовцев да полицаев и нет. Как корова языком слизнула!

— Там может и командира-то никакого не было, а была одна взрывчатка. В могиле-то...

Мы рады были слышать этот восторженный рассказ посторонних людей о наших же проделках во время отхода на Березину.

А они еще продолжали описывать, как переполошились враги после взрыва «могилы», как заметались они по всем дорогам... И про все это они говорили с такой радостью, с таким волнением...

Ясно, что они чуть-чуть преувеличивали, чуть-чуть присочиняли сами. Ну и что с того? Пусть преувеличивают! Это же от веры в наши силы, в нашу победу!

А насчет того, что в могиле никакого командира не было, они, эти пастухи, смекнули верно...

Как обрадовался бы наш «Сухопутный моряк» Идрис, если бы услышал про все это сам! Это же была его выдумка — могила со взрывчаткой. Никакого командира мы там не хоронили — просто подложили десятка два снарядов и заминировали.

Под конец, когда уже устанавливали столбик со звездой, «Моряк» так и сказал:

— У немцев есть пословица: «В конце концов каждая лиса встречается с кожевенником». Вот и будет гадам «кожевенник»...

Мы были уверены, что могила «партизанского командира» непременно привлечет внимание и полицаев и самих гитлеровцев. Еще бы! Они же выискивают, вылавливают партизан. Урон от них несут, только никак на их след напасть не могут. На всех перекрестках объявления расклеили: десять тысяч марок в награду тому, кто

доставит в немецкую комендатуру бандитского (это стало быть партизанского) командира живым или мертвым... А тут вот он сам, партизанский командир, готовенький: убит, похоронен, лежит под звездой. Хоть выкапывай и неси в комендатуру!..

Взрывом всю ораву разнесло в мелкие клочья — и подбирать было нечего. Была могила — теперь зияет глубокий котлован с водой на дне...

Может, в тот день дошла до фашистов истина, что и мертвые мстят.

Жаль, не узнал всего этого сам «Сухопутный моряк» Идрис Булатов, смекалистый и решительный паренек с Волги, открытая и добрая душа... Нам самим теперь приходится рассказывать о его самоотверженности и героической смерти.

...Наш отряд уже возвращался с Березины обратно в свой «треугольник», начинались знакомые места. Оставалось пересечь Замощьенские леса, а там уже начинаются свои деревни и хутора — зона заслоновцев.

Перед каждым переходом отправляется вперед разведка — прощупать путь-дорогу, выяснить, что там есть впереди. И вот в непроглядную ночную тьму уходят трое — маленький Ванюта «Стреляный», Зиннур «Бух-бух» и «Сухопутный моряк» Идрис. Пробираются болотистыми местами, лесочками, кустарниками. Спешат. К утру надо вернуться, доложить в отряде обстановку.

Вот уже рассветает. Тройка разведчиков выходит на луговину. По земле стелется жидкая пелена белесого тумана.

Чу, что это такое?

Впереди вьется вверх синий дымок: тлеет костер. Несколько лошадей пасется в стороне. Видно, деревенские мальчишки вышли в ночное... Как можно не подойти к ним, не расспросить?!

Приближаются. Один бесшумно идет вперед, двое других, приотстав, наблюдают. Потом вперед проходят двое, один пристально все высматривает с автоматом на боевом взводе. Вот уже и до костра недалеко, можно различить темные фигуры людей.

И видят разведчики: эти люди возле костра — все и не мальчишки! Они вдруг переполошились, схватили свои автоматы, быстро рассыпались в цепь. Всего их было человек пять-шесть. И залегли все, их и не видать почти...

Нет, тут что-то не то.

Разведчики тоже бросаются на землю, каждый быстро нащупывает пальцем спусковой крючок. Но поздно... Те открывают яростный огонь из всех стволов — видимо, заранее были готовы к такой встрече. Только подними из-за кочки голову, сразу пулю словишь...

Выход один — отползать попеременно к лесу, дружно отстреливаясь...

Отползает Ванютка, а Зиннур «Бух-бух» с «Сухопутным моряком», прицеливаясь, нажимают на гашетки. Ползет назад «Бух-бух» — строчат те двое...

— Капут! Капут! Лучше сдавайтесь по-хорошему!

Это кричат полицаи из своих окопчиков-ячеек.

И тут же голос нашего «Моряка»:

— Ребята! Бегом в лес! Я тут остаюсь один. Прощайте...

Ванютка с Зиннуром, вилля из стороны в сторону, изо всех сил бросились к лесу.

Моряк остался один. Он продолжал стрелять. По щеке у него тонко струилась кровь и капала в траву. Он подкосил полицаю с повязкой на рукаве — тот как раз вскочил, хотел кинуться вдогонку за Ванюткой с Зиннуром. Живыми хотят взять, кого удастся...

Когда к нему сбежались полицаи, «Сухопутный моряк» лежал ничком, подсунув руки под грудь, и не

подавал признаков жизни. Один из полицаев, схватив за плечо, насилиу перевернул его на спину (надо же рассмотреть партизана, обыскать) — и тут же огненно блеснул взрыв...

Полицаев сразило наповал: «Сухопутный моряк» сумел вовремя сорвать с «лимонки» предохранительное кольцо...

Ванютка с Зиннуром вернулись на взрыв. Они сразу догадались, что произошло.

Увидели мертвых полицаев, их лошадей, сбившихся в кучу... Они еще послужат партизанам...

«Сухопутного моряка» мы похоронили с большими почестями, всем отрядом...

ОПЕРАЦИЯ «КАБЕЛЬ»

Условный сигнал — крик филина в лесу — в Комарове был услышан сразу. Огороды ближайших дворов подступают к лесу почти вплотную. Эта деревня и ее окрестности нам хорошо знакомы: мы не раз бывали здесь, останавливались на стдых. Но между собой мы называем Комарово не так, как общепринято, а «Санькиной деревней».

Саня — это четырнадцатилетний подросток по фамилии Тиханский. В этой фамилии есть что-то от слова «тихий». Но в данном случае это совпадение чисто случайное. Уж кого-кого, а Саню тихим никак не назовешь. Этот рослый для своих лет, отчаянно смелый парнишка горел жгучей ненавистью к гитлеровским палачам. Жажда мести клокотала в нем. Уже при первом знакомстве он нам так и заявил: «Я сам первым дойду до Берлина и подожгу этот город! У меня есть нож двухметровый. Вот этим самым ножом я пропору насквозь их поганого фюрера. За папу я прикончу сто фашистов и за маму —

еще сто...» Он каждый раз удивлял нас своей горячей искренностью.

Так что между Саней и тем, на что намекает его фамилия, нет ничего общего.

Мы очень обрадовались, увидев над трубой Саниной хаты черный дымок. Черный дым — это условный сигнал, он означает: «В деревне врагов нет». Запаса бересты и смолистой сосновой щепы у него заготовлено предостаточно. Вот и сейчас этот дымок над трубой вился как своего рода знамя...

Увидав нас, он не кинулся к нам по проулку бегом, а прошагал неспешным шагом. Оно лучше, когда тебя никто ни в чем не заподозрит. Мало ли какие люди есть в деревне. И немчура сюда что-то зачастила. Как бы кто не взял под подозрение, не донес.

Приближаясь к нам, он вместо «здравствуйте!» и разных других слов коротко обронил: «Пошли!»

И мы пошли.

Нас всего десять человек. Мы должны выйти на знаменитое шоссе Москва — Минск.

Хмурая ненастная ноябрьская ночь — самое подходящее время, чтобы совершить наконец-то операцию, к которой мы так тщательно и с таким вдохновением готовились. Слово «операция» на языке партизан — это вовсе не то, что делают врачи-хирурги, спасая жизнь больным. У нас оно означает выполнение боевого задания. Пустить под откос вражеский состав с войсками или оружием, подстроить взрыв в здании, где расположились фашисты, или в их военном складе, расстрелять из засады вражескую часть — все это записывается в штабе как боевая операция. Чем успешней проходят наши операции, тем больше врагов отправляется на тот свет.

Можно сказать заранее, что та операция, на которую мы идем, пожалуй, будет не только наиболее сложной и

ответственной из всех, какие мы до сих пор выполняли, но и явится для врага наиболее чувствительным ударом. Мы должны перерезать самый важный нерв военной организации врага — линию прямой телефонно-телеграфной связи гитлеровской ставки в Берлине с центральным участком Восточного фронта и тем самым хоть на время лишить врага языка и ушей...

Около двенадцати дня.

Нам еще предстоит ползком по-пластунски пересечь открытое поле, потом через густые кустарники, нащупывая надежную тайную тропку, пробираться среди болот и тряских кочкарников. Дороги впереди — километров двадцать.

Движемся гуськом один за другим. Торопимся. Никто ни слова. Каждый думает о своем. Но главная дума у всех одна. Мы помним красоту и радость нашей мирной жизни. В памяти живо предстают Октябрьские торжества. С каким душевным подъемом маршировали мы в праздничных колоннах под нашими красными знаменами.

Вот и завтра — день Великого Октября. Но гитлеровцы отняли у нас радость праздника. Для нас, партизан, уже третий год — ни торжественно-приподнятого шума на площадях, ни веселого застолья. Но зато мы можем вспомнить, какие боевые операции в тылу врага совершили и совершаем в честь каждого нашего всенародного праздника.

Мне на память приходят строки из стихотворения нашего пламенного Такташа *:

* Речь идет о стихотворении выдающегося татарского советского поэта Хади Такташа (1901—1931) «Шьем знамя». Перевод Л. Мартынова.

В ночь перед Октябрем
Мы это зная шьем,
Пылающее зная!
Его украсим бахромой
И алыми кистями!
Мы знаем:
Прежде по подвалам,
В подполье пряталось оно.
Мы знаем:
Кровью чистой, алой
Оно в боях обогрено!
И вот оно сегодня с нами!
Мы знаем,
Знаем:
Это зная
Единым будет над землей,
Когда придет последний бой...

Мне кажется, будто поэт идет в нашей цепочке, и я вступаю в поэтический диалог с ним. Но я не могу повторить следом за ним:

В ночь перед Октябрем
Мы это зная шьем.

У меня невольно вырывается:

В ночь перед Октябрем
Мы посчитаемся с врагом!..

Впереди идет Саня. Он у нас хоть и не командир и не старший в отряде, а сегодня именно он возглавляет наш поход. Чуть наклонив голову вперед, он шагает легко, почти неслышно. Саня лучше всех знает, где пройти, чтоб не заметили немцы. Время от времени он оборачивается, молча, внимательно оглядывает всю нашу цепочку своими большими синими глазами и снова легко и бесшумно продолжает путь...

Он уже месяца два как утаптывает туда и обратно неприметную маршрутную тропку к шоссе. Это великолепное Минское шоссе он знает еще с момента его строительства. Дело в том, что трасса пролегает как раз возле деревни, где живет его дед. Саня до войны каждое лето гостил у дедушки с бабушкой. А когда строили шоссе, у них квартировал один тракторист. Работая на трассе, дядя тракторист частенько катал Саню на своем тракторе. Какое широкое, прочное уложили под дорогу основание, как ровно покрывали потом черным, дымящимся асфальтом!..

С содроганием души видел Саня, как в сорок первом ринулись по этому шоссе гитлеровские войска. Это происходило летом, когда Саня, окончив четвертый класс, приехал на каникулы в деревню к дедушке. Мальчику было жутко видеть, как разрывало шоссе взрывами фашистских бомб, как асфальт окрасился кровью советских людей, как по нашему шоссе нескончаемой стальной лавиной неслись чужие танки с крестами на башнях.

Эту деревушку при большой дороге гитлеровцы быстро стерли с лица земли. Когда Саня с горем пополам добрался домой, его ожидала потрясающая весть: фашисты расстреляли его отца и мать, потому что они были коммунистами...

Нет, пусть не забывают фашистские изверги, что палка о двух концах!

Саня своими глазами видел и то, как немецкие солдаты укладывали в специально вырытую траншею этот самый кабель. Сперва-то кабель лежал просто на земле — длинным удавом вился вдоль шоссе вслед за наступающими бронированными полчищами. Но когда партизаны на каком-то участке вырезали солидный кус кабеля, гитлеровцы в срочном порядке зарыли, запря-

тали свой кабель в землю. Чужие землеройные машины рыли вдоль всей трассы канаву...

Потому Саня и вел сегодня наш отряд, что знал, где можно наверняка докопаться, найти в земле этот кабель.

Вот Саня первым перескочил извилистый ручеек в ложине и оглянулся на нас. Взгляд у него решительный, уверенный, как у настоящего командира.

Не зря наш отважный разведчик Саня то и дело наведывался в деревню к своему деду, который и сейчас живет там, соорудив убогое жилье из обгоревших столбов и досок. Саня в своей рваной одежке не только собирал ягоды на лужайках и в кустах, но, зорко поглядывая на шоссе, примечал, в какое время суток какого рода перевозки выполняются... Он всегда очень пунктуально выполнял задания наших командиров.

К вечеру Саня вывел нас к опушке леса поблизости от шоссе. Мы расположились поудобней, лежим, наблюдаем. Движение на трассе довольно бойкое. То с нарастающим, то с удаляющимся шумом, гулом и грохотом проносятся у нас на глазах грузовики, автобусы, легковые машины, танки, бронетранспортеры. По самому краю дороги, прижатые к обочине, проезжают конные повозки. Машины покрашены в пестрые цвета осени. Брезентовые тенты на грузовиках грязновато-серые, как асфальт. Впрочем, плащ-палатки на нас тоже не легко отличить от бурой земли и осенней листвы...

Когда тьма загустела, по мокрому асфальту заскользил перед машинами слабый свет: на фарах, покрашенных синей краской, оставлены узкие щели внизу, и свет едва сочится на дорогу. А танки движутся совсем без света: боятся, как бы наши самолеты не налетели бомбить.

Мы в душе были благодарны этой туманной, пасмур-

ной ночи с моросящим дождем: она надежно укрывала нас от врага.

Движение не прекращалось всю ночь. Лишь часам к пяти утра оно как бы схлынуло: отдельные машины проезжали с промежутком в три-четыре минуты. А спустя полчаса на шоссе наступила почти полная тишина.

Настала пора действовать нам. Наши пулеметчики— два расчета слева от нас, два справа,—надежно окопавшись, взяли под прицел широкий участок шоссе. Два ствола обращены на запад, два — на восток. Это на случай, если немцы заметят нас, если понадобится прикрывать наши действия и наш отход... Мы же вдвоем с Саней, накрывшись с головой одной плащ-палаткой и держа ее над собой, быстро поползли по-пластунски по мокрой холодной траве к полотну дороги. На веревке тянем за собой топор, молот и совок. Будь это днем, люди удивились бы нашей плащ-палатке, которая движется сама. Но в эту минуту пусть лучше никто посторонний ее не увидит — ведь это означало бы наш провал!

Вот перебрались мы под нашей плащ-палаткой через кювет, поднимаемся на насыпь, на полотнище дороги. Наши руки коснулись холодной шершавой тверди асфальта. Лежим на голой глинистой кромке дороги.

Нам нужно рыть яму, отступя на полметра от края асфальта — именно здесь, на метровой глубине вдоль кромки дороги проложен толщенный кабель...

Я сразу принялся рубить топором крепко слежавшуюся землю, а Саня брал ее совком и аккуратно, не теряя крошева, ссыпал в небольшие мешки. Иногда я попадаю топором в камень, и кажется, что этот звякающий звук слышат все.

Работаем мы под плащ-палаткой, дышать трудно, меня уже через минуту прошиб пот. Время от времени

мы осторожно приподнимаем край плащ-палатки, чтобы набрать свежего воздуха. Иначе берет одышка, силы иссякают. Зато на шоссе движение, кажется, опять нарастает. Вот пронеслись три легковые машины и несколько мощных тягачей с прицепами, а на нас никто не обратил внимания. То-то будет хорошо, если все не заметят. Пусть сильнее гудят машины! Лишь бы нас не увидели, лишь бы нас не слышали.

Мы роем яму примерно метр на метр. Чем глубже, тем податливей земля, тем глуше удары топора, но теснота затрудняет движения.

Мы с Саней голоса друг другу не подаем, не переговариваемся. Стоит мне коснуться его локтя — он уже понимает меня: мы меняемся местами — он принимается рубить грунт, а я — орудовать совком. Так легче, меньше устаешь.

Наша яма была уже довольно глубока, когда топор в руке у Сани вдруг лязгнул о что-то металлическое. Мы с нетерпением принялись руками выгребать землю по сторонам круглой жестяной трубы. Наконец-то кабель по дну ямы стал свободен. Я поставил топор под кабель лезвием вверх, подsunул под обух кусок толстой доски и попросил Саню подержать топорщице в таком положении, а сам, еще раз нащупав место, чтобы оно было как раз над лезвием топора, ударил молотом по кабелю. Жестяная оболочка кабеля с первого удара не разрезалась — на ней лишь осталась вмятина от лезвия.

Подставив топор под то же место, я принялся с яростью бить. Жестяной слой был не очень толстым, расплюснутый кабель наконец-то оказался перерубленным напрочь: последний удар пришелся прямо о лезвие топора. «Есть!» — шепнул я, задрожав от восторга, и с силой развел обрубленные концы кабеля в разные стороны.

Пусть теперь Гитлер покричит в трубку... Пусть теперь поищут по всей линии, где случился обрыв — то ли где бомба угодила, то ли еще что произошло...

Теперь землю из мешочков можно побыстрее высыпать по порядку обратно в яму, утрамбовывая, заравнять сверху, как было, и потихоньку убраться во-свояси.

Но тут нам пришлось в голову прихватить с собой кусок кабеля: это же будет совсем здорово! На этот раз кабель поддался уже легче: все-таки опыт что-нибудь да значит. Всего семь или восемь машин успело проехать мимо нас, да протарахтела конная повозка — должно быть, какой-нибудь староста или бургомистр спешил к немецкому начальству засвидетельствовать свое холуйское раболепие. Что ж, тарактенье его повозки было нам на пользу!..

Наконец-то! Операция выполнена, яму мы засыпали, заровняли, дождь нам только поможет смыть следы. Двухвершковый обрубок кабеля уже лежит у Сани в кармане!

Упарившиеся, взволнованные успехом, лежали мы вдвоем под плащ-палаткой, выжидая момента, чтобы безопасней уйти. Близился рассвет, движение нарастало.

Опять под той же плащ-палаткой, ползком, напряженно прислушиваясь ко всем звукам, выбрались мы обратно в лес.

Быстро собрались продрогшие от неподвижной лежки пулеметчики.

В лесу было мокро, туманно, холодно. Но для нас, вспотевших от напряженной работы и километра полтора бежавших от шоссе, этот лес казался только что натопленным теплым домом.

Хмурое серое утро застало нас среди темных ольшаников. У тихого ручейка мы сделали привал.

— Праздничный костер разводи! — торжественно-приподнято крикнул наш старшой — Паша Осипов, и мы сразу разошлись в разные стороны набрать сушняку, бересты, хворосту. Застучал топор, полетела щепа. Через минуту затрещал огонь.

Ах, какое это удовольствие — промокшим, усталым стоять у жаркого костра, распахнув полы плащ-палатки, чувствовать озябшим телом приятное тепло и видеть, как с тебя подымается парок...

Вот он, праздник!

Мы переглядываемся. Лица у всех почернели, осушились, зато сколько на них радости!

Как приятно сознавать, что и ты к этому великому дню сделал что-то стоящее!

Костер разгорается, трещит, пощелкивает. Над высокими языками оранжевого пламени взвиваются вверх горячие искры, и, глядя на них, хочется думать и о залпе «Авроры», и о победных салютах Родины в честь великих подвигов советского народа. И до чего это здорово — верить, что во вспышках победных салютов отразятся и радостный свет наших глаз, и жар наших сердец!

Саня вынул из кармана увесистый обрубок кабеля. Все с любопытством стали разглядывать его. Не велика штучка, а как веско она доказывает, что между гитлеровской ставкой и Восточным фронтом прервана самая важная нить связи!

Видно, знают немцы толк в кабелях. Большой пучок изолированных проводков вдет в толстый резиновый шланг. Шланг покрыт слоем смолы, сверху обернут в пропитанную жиром бумагу и лишь потом — жестью...

Обрубок пошел по рукам. Каждый разглядывает его внимательно, с каким-то особенным чувством. И каждый с затаенной радостью чувствует свое единство с Большой землей, со всей страной. Мы как бы молча

рапортуем о наших боевых делах Родине, землякам, нашему любимому Такташу.

Светает. Редет туман. В небо подымается солнце праздничного дня.

Пройдено столько километров изнурительного пути, а мы шагаем бодро, в ногу, будто и в самом деле маршируем на праздничной демонстрации. Хочется поскорей вернуться в свои тесные землянки и, отмечая годовщину славной революции, поделиться с друзьями-товарищами радостью большого успеха.

А Саня-то вышагивает, Саня! Голову держит высоко. У него сегодня двойной праздник: участвуя в операции «Кабель», он блестяще выдержал боевой экзамен и сегодня будет официально принят в отряд партизан-заслоновцев. И уже до самой Победы останется с нами.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Что заслужили, то и получили	5
Стреляный	23
Несчастье помогло...	37
Он не был трусом	48
Радости и горести	56
«Ваше — вам!»	65
Цветы в горшке	77
И мертвые мстили	87
Операция «Кабель»	98

ЗАКИ НУРИ

(Нурутдинов Заки Шарафутдинович)

И МЕРТВЫЕ МСТИЛИ

Из партизанских будней

РАССКАЗЫ

Редактор Л. Н. Жаркова

Художник М. Р. Мухаметзянов

Художественный редактор Г. Е. Трифонов

Технический редактор З. А. Ибрагимова

Корректор З. Г. Абрарова

Сдано в набор 28/XI-1975 г. Подписано в печать 6/V-1976 г. Бумага типографская № 1, 70×108¹/₃₂. Учетн.-изд. листов 4,73. Условно печатных листов 4,9. ПФ 04020. Заказ Л-1187. Тираж 100 000 экз. Цена 16 коп.

Татарское книжное издательство. Казань, ул. Баумана, 19.

Полиграфический комбинат им. Камиля Якуба Управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Совета Министров ТАССР. Казань, ул. Баумана, 19.

Нурутдинов Заки Шарафутдинович
Н90 И мертвые мстили. Рассказы. Казань, Татарское
книжное издательство, 1976

112 с.

Автор — участник партизанского движения в Белоруссии во время фашистской оккупации — рассказывает о том, как весь советский народ, от мала до велика, поднялся на борьбу с фашистскими захватчиками. Читатель узнает из рассказов о находчивости и отваге юных партизан в многотрудной борьбе с оккупантами.

Н $\frac{70803-176}{M132(03)-76}$ 130—76

С(Тат)2

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

Татарское книжное издательство
в 1976 году выпускает на русском языке
следующие книги для детей и юношества:

Алиш А. Нечкебиль. Сказка.

Галиев Г. Старый дуб. Рассказы.

Джалилова Х. О моем брате. Воспоминания.

Маликов Э. Остров моей юности. Повесть.

Манасыпов В. Шапка Салахутдина. Юмористические рассказы.

Мингалимов Р. Голубое седло. Стихи.

Скороходов М. Дети огня. Повесть.